

ГЕРОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Савелий Митченко

18+

Савелий Митченко

Герой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70468357

SelfPub; 2024

Аннотация

Человек без прошлого и будущего, живущий одной лишь мезтью тому, кто отнял у него всё, получает шанс воздать своему врагу по заслугам. Прорываясь сквозь орды стеклянных тварей, шагая по головам, пренебрегая моралью и человеческим обликом, он будет стремиться к своей цели до победного. Однако удастся ли в конце ему обрести то, что было некогда утеряно?

Содержание

1	4
2	11
3	15
4	19
5	21
6	26
7	31
8	35
9	39
10	46
11	52
12	59
13	68
14	76
15	78
16	82
17	90
18	98
19	104

Савелий Митченко

Герой

1

Когда я начал этот путь? Не помню. Гнев вытеснил моё сознание, нынешняя реальность своей плотностью сдавила меня. Порой проскакивает мысль "Что отличает меня от зверя", однако это «порой» приходит редко, а уходит быстро. Я не виноват в этом, ведь иначе нельзя: у них нет прелюдий или пристрастий, быть **ЕГО** вестниками смерти есть их единственная суть.

Доспехи сильно изношены. Последняя стычка оставила после себя мало приятного. Часть нагрудного щитка полностью уничтожена, механизм пневматической установки с кольями на предплечье теперь открыт, а нога и плечо изнывают от недавно полученных повреждений. А ведь тот удар был близок. Повезло что главную систему не задело. Хм. Кажется, я понял, что вызвало это внутреннее недоумение: я уже приравниваю своё тело к доспеху. Презабавно. Что он защищает кроме чувства жгучей ярости и бесконечного желания мести?

Останавливаться нельзя, путь надо продолжать: судя по всему, здесь где-то неподалёку есть населённый пункт, иначе

красный свет в насаженной на острие копья голове не начал бы слабо мерцать. Хоть какой-то прок: по встроенному в них индикатору можно определять присутствие живых существ. Но в данный момент я быстрее загнусь от ран и голода, чем найду это поселение. Ладно, "Останавливаться нельзя" всё-таки стоит отнести к общему: сейчас нужно устроить перевал чтобы перебинтоваться, да и забить желудок оставшимися харчами лишним точно не будет. Ощущение лёгкой расслабленности посетило мой изведённый нервами разум лишь после установки растяжек с зарядами по безопасному периметру. Завершив небольшие приготовления на месте своего ночлега, я наконец-то разложил свои нехитрые пожитки.

Безвкусная дрянь. Оставь бы я себе хоть долю былой чувствительности, уверен, что издох бы от голода и гордости, чем положил ещё себе в рот это желеобразное нечто. Но сейчас мне без разницы – если не поем, то помру раньше, чем моя месть достигнет **ЕГО**.

ОН есть цель моего шествия: все те мучения и страдания, испытываемые мною сейчас, исключительно из-за **НЕГО**. **ОН** разбил мою прошлую жизнь на мелкие части, теперь же мне необходимо раздробить его черепушку. Хотя, для такой твари этого будет мало, стоит покумекать над более изощрённым способом расправы. Как же клонит в сон...

МЕРЗКИЙ ОТВРАТНЫЙ ЗВУК. Будто сотни миниатюрных свёрл разом врезались в мозг. Приведя всё тело в состояние напряжения, я стрелой метнул взгляд на воткнутое в

землю копьё: свет внутри этого обрубка залился ярким багряным пятном – они уже рядом. Медлить нельзя, иначе следующим, что будет пронзать это копьё, станет моё же тело. Со всей силой я размахиваюсь и разбиваю источник мерзкого стрекотания. Секундное облегчение и тишину тут же сменяет сосредоточенное напряжение и ропот быстро семенящих стеклянных конечностей. Что же: дверь, в которую мои гости могли бы постучать, отсутствует, однако растяжки взрывных зарядов отлично заменяют звонок.

Ниточный барьер был задет: они на моей территории. Заготовленные гостинцы, скажу так, зажигательны: бомбы, связанные между собой натянутой леской, полетели друг к другу навстречу. Объединится им было не суждено: столкнувшись с их телами, множество подрывающихся мин уничтожают их вместе со спокойствием ночи.

Специальные беруши кое-как защищают мой слуховой аппарат: либо же он просто сам уже мало что воспринимает. Пока мне везёт, и из орды на воздух взлетело точно больше половины. Плохие новости заключаются в том, что моё обмундирование всё так же повреждено, а среди оставшейся кучи битого стекла ещё есть те, которые находятся в рабочем состоянии.

Наверное, для минимального понимания происходящего стоит дать им хоть какое-то описание: длинные, с вытянутыми острыми культями, выше 2-ух метров точно, тонкие и гибкие: несмотря на хрустальные тела, их конечности спо-

способны гнуться в разные стороны словно резина. Головы у них имеют форму чутка изогнутого заострённого овала, внутри которого зияет алое свечение – единственное яркое пятно в их глянцевого чёрных телах. Оно же по совместительству и является их уязвимой точкой – вообще, сами по себе они хрупки, однако берут преимуществами численными и физическими.

Времени на сборы нет – нацепив на предплечье наруч и лёгкую гибкую кольчугу, я поднял с земли копье и направился в атаку. Продумывать стратегию на ходу приходилось не в первой: страх за свою шкуру вкупе с бьющим в голову адреналином дают о себе знать. Игла с этим холодом впивается в восприятие, картинка реальности замедляется. Запущенный и летящий на внушительной скорости наконечник пронзает голову одной из твари, и своей пробивной силой выводит из строя ещё двоих позади. Удачный бросок, ничего не скажешь. Гибкое щупальце другой проходит в нескольких миллиметрах от моего лица, только чудом его не рассекла. Я быстрее, сука. Рука одёргивает стартёр моих кольев – механизм приходит в действие и в один момент два кинжала только начали движение, когда через миг они уже стремительно расщепляют стеклянное туловище вдоль до головы. Тут же приходится резко осесть на землю – заострённые хрустальные обрубки уже летят в мою спину. Но как было сказано ранее, мои изведённые до болезненного совершенства рефлексы будут шустрее. Уклонившись, я тут же обре-

заю ноги ближайшей стекляшке. Она валится, и мой сапог с металлической подошвой вдавливают её голову в землю. Даже жар потасовки и лёд мысли не способны пропустить усладу этого треска мимо сознания.

Это стало моей фатальной ошибкой: поддавшись секунднему восторгу, я упускаю направленный прямо мне в голову сточенный кулак. Отсутствие защиты на кольях напоминает о себе, но другого выхода нет. Пространство между фарфоровой культяпкой и моей физиономией преграждает предплечье с семенящими ножами. В течение нескольких секунд они укорачивают её, однако неизбежное наступает: механизм заклинивает, и колья разлетаются – от этого удара я двинулся на несколько метров в сторону. Организм уж точно за это спасибо не скажет. Боль от увечья уже утяжеляет руку, разливаясь по изнывшему от усталости телу, тем самым разбавляя концентрацию адреналина в нём. К болванке на поддержку подошли оставшиеся. Либо они, либо я. Три марионетки, два варианта, одно мгновение. Выбор сделан.

Глаз заметил копьё, так удачно находящееся за надвигающимся на меня трио. В лобовую. Набрал какую только возможно скорость в стремительно сокращающемся пространственном промежутке, я с разбега перепрыгиваю через тварь по центру: при подобных нападениях они сгибаются раза в два от своего изначального роста. Здоровой конечностью опираясь на её корпус, мне не удаётся полностью увернуться от удара слева: холодное стекло уже воткнулось в бок. Един-

ственное, что остаётся, это резко оттолкнуться, пока оно совсем не ушло вглубь.

Вместо удачного приземления моя туша кубарем прокатывается до копыя. Хоть что-то приятное, но плохого больше: рука начинает всё сильнее изнывать, да и старые травмы с новоприобретённым пробитием дают о себе знать. Картинка растекается, кривится и извивается, но я удерживаю сознание в узде, направляя его фокус на переливающиеся в смазанном взгляде силуэты. Думай. Думай. Думай.

Первой с места сорвалась та, которой я успел обкромсать руку. Тело, уже полностью перейдя на управление инстинктов, словно матёрый тореадор совершает разворот. Отскочив в сторону и направив часть оставшегося ресурса организма в здоровую руку, я совершаю ею резкое пронзающее движение: острое пробило голову, одна уничтожена. Осталась та парочка, находящаяся уже в 2-ух метрах от меня. Поставив ногу на поверженное туловище, я вынимаю копьё и, пригибаясь, тут же втыкаю его в нижнюю часть овала «лица» подскочившей твари. Удачно, однако у меня совершенно не остаётся времени для атаки на последнюю, а её остроконечная рука уже занесена для атаки. Упёршись здоровым плечом в длинное металлическое основание, я проворачиваю насаженную на него куклу под удар собрата. Та с грохотом разбивается: вот он, шанс. Рывок, задранная кверху рука, с последними вложенными силами в удар. Треск. Чисто и насквозь – опускаю копьё с нанизанной на него головой.

Оно валится на землю вместе с поверженным стеклянным выродком. Я победил. Ничего нет.

Шея выгибается. Мой взор погружается в небо: сквозь плену усталости и предобморочное состояние я вспоминаю о том, как же давно не видел звёзд. Потрясающе. Через болевой туман они напоминают белёсые кляксы глазниц. Кому они принадлежат? Почему тот, кто имеет столько глаз, не поможет мне? Почему оно просто смотрит? Видимо, тоже с **НИМ** заодно... Его надо...

Мысль обрывается: происходит сброс. Обессиленное тело падает на землю. Тьма.

2

Вспышка. Что это? В моём небытии есть свет? Уж не думал, что такие как я достойны увидеть его ещё хоть раз, находясь по ту сторону жизни. Стоп. Если моё сознание мертво, где формируются эти мысли? Что за ощущение тяжести: неужели это моё тело? Оно будто заполнено чем-то тяжёлым и вязким, никакое движение сейчас мне не подвластно. Однако, я чувствую его: слух, даже если забыть про его тугость, воспринимает отдалённые шорохи. Нюх улавливает какие-то странные нотки: бинты пропитанные спиртовой микстурой, странные лечебные ароматы и... Воск? Сразу после этого домысла в углу моей пустоты возникает свечение. От всплеска, выведшего меня оттуда его отличает постоянство и тепло. Но наиболее важным является уверенность в том, что если я направлю на этот источник всё внимание, то это сможет вытащить меня из тьмы. Ладно, попробуем: в любом случае, рисковать уже точно нечем. Я сконцентрировал всё своё существо на этом свете: моя теория оказалась верна. Находясь, если так можно сказать, в «дальнем углу», тот начал стремительными темпами расширять свои охваты, пока полностью не заполонил собой всё – оковы век сняты, обзор для глаз свободен.

Небольшое округлое помещение и конусообразная крыша. Это шатёр. Пространство обставлено цветными колбами

с лекарствами, медицинской аппаратурой и свечами. Именно они, а если быть точнее та, что стояла около моей койки, вытащила меня из забытья. Я не волновался насчёт того каким образом очутился здесь. Скорее даже наоборот, в голове сразу нарисовалась отчётливая картина произошедшего. вспомнив о том сиянии в оторванной голове, несложно было догадаться о близости какого-то поселения. К нему бы я и направился после перевала, не устрой на меня нападение эти стеклянные куски дерьма. Видать жители, услышав подрыв снарядов, выдвинулись на место бойни, где и обнаружили моё поверженное тело. С этим всё понятно. Однако, другие вопросы не могли быть решены подобным суждением: где моё копьё, оставшиеся вещи? В каком сейчас я нахожусь состоянии? Когда снова встану на ноги? В конце концов – сколько я провалялся без сознания?

Видать мысли были подключены к громкоговорителю, иначе объяснить появление в моей нынешней обители человека сразу после этих рассуждений крайне сложно. Смутным взглядом я различил старикашку невысокого роста, с большим выпуклым лбом, густыми белоснежными бровями и длинной бородкой такого же цвета. Глаз не было видно: бровной навес прятал их, да и сами по себе они более напоминали узкие щели, сквозь которые изредка мелькали белки со зрачками. Никакой угрозы с его стороны не было: мародёры бы просто растащили мои жалкие остатки, а эти вон какие, сердечные. В руках деда был некий свёрток – пахло

съестным. В рот тут же прильнула слюна – последние дни, если не неделю, мне приходилось давиться тем безвкусным желе, которое выполняло единственную функцию: не давать мне скрючиться от голода.

Пока я размышлял на этот счёт, дед подтащил к койке стул. Усевшись на него, тот принялся смотреть на меня. Глаз его не было видно, однако молчание, равномерный треск свечи и тишина обстановки были красноречивее всего того, что мы могли бы сказать друг другу. Он видел меня насквозь: мой взгляд тупился об стену.

– Тебя нашли 5 дней назад. Пришлось изрядно подлатать тело, дабы твой дух не покинул его. Удивительно, что ты вообще сейчас в добром здравии: любому другому, с твоими старыми ранами, уже обычная ходьба доставляла бы массу хлопот. Ты же мало того, что продолжал свой странствие, умудрился пережить стычку с извергами, попутно приобретя новые травмы.

– Угу. Где...

– Половина найденной рухляди непригодно к восстановлению. Другая часть немного лучше, но не то чтобы сильно. Видимо, эти вещи пропитались твоей несносностью, иначе всё должно было сломаться намного раньше: впрочем, так можно сказать и про тебя.

– Сочту за комплимент, дед. Скольком мне ещё придётся пролежать без дела?

– Не меня об этом спрашивай. Вот твой паёк. Приятного

аппетита.

Встав и вернув стул на место, где тот стоял, он покинул палату. И как это понимать? Он же меня и выхаживал, учитывая точность его ответов, кому как не ему знать о моём текущем состоянии? «Не меня об этом спрашивай» – как отрезал сказал. Скорее, это личная специфика определённого старикашки, остальное население явно более сговорчивое. Спасибо хотя бы за харчи, хрыч.

В теле взбаламутилась тяжесть-оно с огромным трудом начало двигаться в сторону рядом стоящего столика. Из-за слабости рука более напоминала огромное бревно, которое ещё и приходилось удерживать с края. Но непомерными усилиями содержимое миски было доставлено в мой рот. То была гороховая каша, слегка солёная, и, судя по приятной жирности, с маслом. Её тепло тут же разлилось по моему желудку, растапливая собой образовавшееся внутреннее томление.

Покой. Тихо. Вокруг меня обитают живые люди, и учитывая оказанный уход, они явно неплохие, даже можно сказать что добропорядочные. Как давно не мелькали подобные слова в моём обороте мыслей. На сытый желудок всё иначе воспринимается. Даже мысли о **НЁМ** отошли на другой план. Глаза постепенно слипаются: организм на данном этапе достиг своего суточного лимита, и ему необходимо время на перезарядку. Что же, я не против.

3

Тело восстанавливалось, но не так быстро как того хотелось. Болезненная вязь постепенно оползала, и я начинал возвращаться в привычное русло. Про тренировки, оттачивание навыков или, тем более, про восстановление/создание нового обмундирования речи и не шло. Пришлось смириться с ситуацией, посвятив себя собственному выздоровлению и наблюдению за временным пристанищем.

Из себя оно представляло не крупное селение на 30, может чуть больше-меньше, шатров. В счёте я крайне посредственен. Мне и ранее приходилось видеть подобную кочующую организацию: живя таким образом, не составляло труда оперативно менять дислокацию, что в наших реалиях являлось огромным преимуществом. Ранее, находясь в пути, я замечал подобные деревушки во всех состояниях: когда они стояли на месте, когда съезжали с него и... Когда на них совершали набеги. Тогда, оценивая ситуацию издали, для себя я принимал решение о том, стоит ли вступаться в конфликт, или же нет. Делалось это далеко не из благородных побуждений: при удачной обороне в качестве оплаты выдавали определённые ресурсы и продовольствие, что для кочующего образа жизни, можно сказать, бесценно. Если сила была на стороне нападающих, то что же – этот мир выживает по принципу «Сильный жрёт слабого». Моя цель другая, я

не при делах.

У деревни в качестве защиты от тварей применялась та же система, которую использовал я, только сильно увеличенная в масштабах и с закреплёнными по радиусу ультразвуковыми установками вместо мин. Для устранения извергов на дальнем расстоянии стояли арбалеты с металлическими стрелами, а если те приближались слишком близко, то в ход шли копыя с наручами. На крайний же случай, в их арсенале для обороны хранилось огнестрельное оружие – нынче настоящее сокровище. Стволов было достаточно, патроны тоже имелись, однако они, являясь ресурсом исчисляемым, использовались только в критических ситуациях – если надвигался крупный рой, либо же когда происходили нападки мародёров. Редко, да и не сказать, что метко: огнестрел не был особо действенным против извергов, а большинство жителей представляло из себя мирное население, которое может взять какое-либо оружие разве что для устрашения. Это, в сущности, единственный недостаток, который сильно усложнял им жизнь.

Осмотрев оставшееся после последнего боя снаряжение, мне не удалось подобрать более подходящее описание, чем ранее это сделал старик. Копьё было единственным, что могло использоваться без предварительного ремонта. Продырявленная пластичная кольчуга отправлялась в утиль, повреждённые доспехи всё ещё оставались повреждёнными, а у меня совсем не было ресурсов ни на восстановление, ни,

тем более, на обновление арсенала. С таким «добром» я не то что могу противостоять ЕМУ: со встречающимися тварями или разбойниками по пути мне придётся махатья кулаками. К тому же чуйка подсказывала мне, что меня не за «спасибо» на ноги ставят. Она не подвела.

Через некоторое время в мою палату наведалься глава селения: плотный по сложению мужчина, моего роста, с грубыми чертами лица и взглядом, который способен был бы раздробить камень. Своим видом он внушал силу, твёрдость, крепость ментальную и физическую. Говорю, конечно, за вероятное восприятие его фигуры подопечными: для меня он не представлял ничего выдающегося, скорее вызывал минимальную солидарность, не более.

– Я слышал, ты идёшь на поправку, верно?

– Как посмотрю у вас тут никто за словом в карман не лезет. Благодарю, уже значительно лучше.

– Ты не создаёшь впечатление любителя долгих разговоров, поэтому буду с тобой краток: нам нужны твои боевые навыки для разведки перед съездом.

Чутьё не подвело, и теперь все куски изображения сложились воедино: им нужны единицы, которые способны хоть на что-то в реальном сражении.

– Это дело понятное, не за просто так ваш сварливый старикан тут ворковал надо мной, однако...

– Не смей говорить так, зверь.

– Извини-ка, мне послышалось начальник – признаться,

я опешил от такого выпада – иль ты зверем меня нарёк?

– Старец назвал тебя так из-за бурлящего в твоём сердце чана ярости, который разжижает внутри всё человеческое и выжигает окружающую жизнь. Не думаю, что стоит объяснять суть сказанного: ты и сам всё понимаешь.

Уж извини, но ты явно со своими праведными речами влезаешь не на свою территорию.

– Слышь, верзила, вас никто в мои спасатели не заделывал. Весь хлам стеклянный вместо ваших калек расчистил, и ещё к зверью приравниваете. После такого, знаешь, тоже вопросыки к вашим устоям наклевались, однако срать я на них хотел: у меня свои приоритеты, у вас ваши. Так и будем жить. Сейчас ты просто объяснишь мне что к чему, какие за мной обязанности, а после того, как я их выполню, вы почините мои доспехи, дадите обновлённый арсенал вооружения и жратву на первое время. На том и за всё и сочтёмся.

Он не выразил сиюминутного презрения и тем более не вступил в словесную перепалку. Чего, а выдержки этому мужику не занимать. Правда, глазёнки его всё равно пытались реанимировать мою совесть, однако ничего не вышло: уж слишком прочна скорлупа, в которую та закуталась, и он уж точно не в состоянии её пробить, в отличии от...

4

Ссора с главой, если её вообще так можно назвать, никак не изменила моего положения: в условиях постоянного напряжения и страха за жизнь, все междоусобицы отходят на второй план. Своя шкура и шкуры тех, кто тебе дорог, будут всегда значимее, чем кодексы чести или этические нормы. Даже, если для их сохранения придётся взаимодействовать с подобными мне.

По выздоровлению моей временной обязанностью станет руководство небольшим отрядом разведки. Начальство пояснило мне, что съезды не проходят внезапно и спонтанно: для этой цели существует небольшая группа людей, которые и попадут мне под опеку. Перебираясь на заранее отмеченное в картах месторасположение, они обживают его в течение нескольких дней, и, если на точке всё тип-топ, оставляют маячок, свинчивают обратно на базу, а после уже всем табором полноценно съезжают на новую локацию. Нюансов, безусловно в этом деле больше, однако до них мне нет никакого дела. Выживание и выгода, выгода и выживание.

Задачей руководителя, как мне объяснили, является структурирование группы, наблюдение за окружающей нас обстановкой, ну, и само собой, обеспечение выживаемости членов отряда. Последняя вылазка вместе со сторонними нападениями убавили его и так малую численность, поэтому

появление такого матёрого бойца как я для них словно манна небесная. Про возросшее количество извергов в округе мне никто не говорил, ибо это было уже выяснено самостоятельно несколько недель назад. Может ли это быть как-то связано с **НИМ** и местонахождением его «Резиденции»? Это мне и предстоит узнать. К тому же, такой променад после длительно восстановления и застоя, лишним уж точно не будет.

Включая меня, мой отряд состоял из десяти человек. С их численностью они очень удачно разбивались на три подгруппы: первая состояла из более-менее бывалых бойцов, вторая была, как выражаются «Ни рыба, ни мясо», про третью же и вовсе говорить нечего – юнцы, совсем ещё зелень. Им вроде больше двадцати каждому, однако их миловидным личикам можно дать всего лет 17–18. По ощущениям я уже полностью пришёл в норму, однако выдвигаться с такими кадрами сейчас нет никакого прока – если после похода я вернусь в деревню один, ни спасибо, ни тем более уж обновлённого обмундирования, мне не будет.

То был один из тех облачных тёплых дней, когда ветер легко обдаёт физиономию, а светило солнца пытается пробиться сквозь облачную завесу. Перед тем, как выдвигаться на миссию, нужно познакомиться с моими вынужденными рекрутами с глазу на глаз.

– Приветствую. Долго изъясняться перед вами не вижу никакого смысла, вы и так прекрасно в курсе, зачем мы здесь собрались.

– А вот и нет! С хрена ль ты тут командами разбрасываешься!? На каком таком основании, ась!? – то выкрикнул один из матёрых, видать наиболее способный из них: комплекция шустрая, волос ржавый, лицо с хитрецей и в некото-

рой степени тупое. В качестве единицы он представлял тройную выгоду: как хороший боец, хороший подчинённый и тот, через которого можно закрепить свой авторитет: укоротив его язык, остальные тут же поймут своё место.

– Ты прекрасно понимаешь кто направил меня сюда. Думаю, с ним у тебя не возникнет препирательств. Я подумал, что неплохо будет провести ознакомительную тренировку, оценить навыки друг друга, поделиться своим опытом, а уже после отправится на вылазку.

– Ты нас за кого держишь? Думаешь, мы за себя постоять не можем? – то уже произнёс «средняк»: лоб низкий, взгляд упрямый, телосложение вытянутое – Слыхали мы о твоём подвиге-не более чем удача, вопрос херня был! Подумаешь, разделался с горсткой извергов, мы таких на раз два щёлкаем, верно мужики? – он обратился ко всем присутствующим, включая «низшую пробу»:

– Ну, д-да, не сказать бы что в этом была какая-то большая сложность, просто удачное стечение обстоятельств... – мальчикам поочерёдно приходилось выдавливать эту фразу из себя. Что же, инстинкт самосохранения у них работал отменно: по внешнему виду их точно нельзя было отнести к солдатам, однако, по ощущению, мозгов у них будет побольше чем у остальных шестерых вместе взятых.

– Я не собираюсь ничего доказывать или чему-то учить. Для меня вы инструменты для достижения цели: для вас я являюсь идентичным приспособлением. Поэтому чем мень-

ше препирательств будет, тем быстрее каждый получит своё. Вопросы?

Тон произнесённого заставил присутствующих перекинуться недвусмысленными взглядами между собой – всех, кроме жилистого и молчаливого длинного типа, стоявшего поодаль ото всех. Второй был словно отрешён от происходящего, а вот в глазах первого поблёскивало зарево азарта, растягивающее уголки его губ в ехидную ухмылку. Я уже знал, что будет дальше. Всё идёт по плану.

– Это ясно, мы сами не вчера родились: базара ноль, понимаем че да как. Говоришь ты складно, хотя посмотри на тебя, ты только как лупить и резать умеешь.

– Можешь не сомневаться: в перечисленном тобой я преуспел куда больше чем в ораторстве.

Линия тонкой хитрой улыбки, вскрывающей его рыжеватые зубы, расплзлась от уха до уха. Глаза вспыхнули:

– Ну так докажи, а.

В ту же секунду, словно пружина, он сорвался с места в мою сторону. Ожидаемо, однако его скорость в самом деле похвальна. Но я тоже не из тех, кто плетётся. Увернув свой торс от кулака правой руки, его корпус, немного провернувшись, уже подготовил заряд с левой. Из-за разницы в росте, а я был выше его на голову, тот имел чёткую цель на мою челюсть, и через мгновение залп был спущен. Стремительно летящая атака была сбита моей ладонью: для «зрелищности» приходилось стараться отклонять удары в последний миг. А

учитывая юркость мужичонки, это было не так уж и просто, как мне могло показаться ранее. Сказывалось длительное отсутствие какой-либо практики.

Когда эта мысль мелькнула в голове, случилось действительно неожиданное: соперник, используя амплитуду от моей защиты, повернулся на 360, занеся по оси свою ногу прямо мне в голову. Финт крайне оригинальный, но до похвалы я снизойду только после его поражения. Совершив наклон назад, пята, пролетая мимо глаз, слегка задела нос. Это касание вызвало кровотечение. Получив символичную «первую кровь», он возвращает ступню в исходную позицию, отскочив после на 2 метра.

– Ха! А ты впрямь неплох! Хорош-хорош мужик, молодец! Давно я так не забавлялся – огонь в глаза сиял, и смог от него уже затуманил разум – Ну же, давай, ты же пока вообще ничего не показал и не доказал! Или мне при всех тут тебя распинать???

Он залился хохотом: необратимые последствия, вызванные ощущением собственного превосходства. Момент, когда победа над противником в таком состоянии случится не только в физическом, но и ментальном плане – поставив своими увёртками его на пьедестал, мною же он будет сброшен с него. Расстояние между нами было сокращено рывком. Пока он только опустил голову и вошёл в боевой режим, моё колено уже вдавило его живот, от чего из него непроизвольно вышел весь воздух. Не успевая оправиться от атаки, я за-

вёл ногу за него – после, оставалось лишь с должной силой толкнуть его.

Отлетев на пару метров, запыхаясь и пытаясь осознать произошедшее, вместе со вдохами-выдохами из него вылетали обрывки фраз:

– Как же так... Каким о-образом, всё ж схвачено было...
Что за нахер...

Взгляд снизу-вверх был обращён ко мне – от азартного кострища осталось лишь пепелище. Я победил-всё прошло по плану.

– Если у кого остались ещё какие-либо вопросы, спрашивайте сейчас.

Я провёл рукой по иссохшему кровавому подтёку и сплюнул.

– Отлично. Раз вам больше нечего спросить, мы можем приступить к делу.

6

На словах план был предельно простым: организуем сборы провизии и вооружения, а после выдвигаемся в обозначенную на карте точку. Находилась она в километрах трёхсот от нынешнего месторасположения, дорога по расчётам должна была занимать день-два максимум. На определённых промежутках необходимо оставлять маячки – они связаны между собой детектором, который при возникновении непредвиденных ситуаций будет подавать сигнал по приёмнику. Для передвижения нам выдали мотоциклеты – вот чего, а такого ожидать не приходилось. Я уж и не вспомню, когда разъезжал на таких. Как до меня дошло, они работают на особом горючем, добываемом из некоего сырья, как раз таки перерабатываемого их небольшим поселением. За счёт него они удерживались на плаву и жили относительно припеваючи, насколько это было возможным.

Вооружение распределялось таким образом, чтобы каждый получал по своим навыкам. Так, юнцам достались лишь стволы – с копьями и наручами они с большей вероятностью себя покровсают, чем каких-либо врагов. Мне и остальным, в качестве бывалых, вручили вышеупомянутое снаряжение. Своё всегда роднее, поэтому копьё я взял собственное. Про доспехи и механизмы кроме как «нормально» сказать нечего: терпимо, сносно.

Запомнил ли я хоть одно имя? Нет. Для меня они не более чем составляющие действия задачи, решением которой станет лишь ЕГО голова. Остальное не более чем функции к её достижению: события, ресурсы, люди. Ничто неотличимо, всё смешалось.

– Как вы считаете, наша операция во-возымеет успех? И что будет более действенным против т-тварей: удар копьём, или же выстрел из пистолета?

– Расскажи, каким образом ты смог достичь таких навыков? Через сколько битв тебе пришлось пройти?

– Откуда ты родом? Остались ли у тебя родные?

Все эти, и многие другие вопросы, грудой сваливались в пустоту моего эмоционального восприятия: мне было глубоко наплевать на них, однако, если я хочу достигнуть своей цели, стоит удерживать эту мысль исключительно в голове – при удачном стечении обстоятельств, эти рекруты могут оказаться крайне полезными.

Дорога, по которой шёл наш маршрут, была относительно сносной: погода стояла сухая, от чего колёса мопедов хорошо сцеплялись с поверхностью. Лишь один раз пролил сильный дождь, но мы заранее нашли место где переждали его, и тот не помешал нашему продвижению. Окружающие виды не изобиловали красочностью – они представляли из себя открытую местность, покрытую серовато-зелёной невысокой травой и редкими деревьями, около которых, по мере необходимости, мы совершали перевалы и ставили маячки. Пару

раз на нас налетали изверги, уничтожение которых при рабочем оборудовании и наличии боевых единиц не составляло большого труда.

Как позже выяснилось, юнцы по сути и не прикреплялись к отряду в качестве бойцов – они являлись связными. Их роль, если так задуматься, была вообще самой значимой, тогда как оставшаяся часть группы служила не более чем их охраной: они устанавливали маяки, налаживали и регулировали связь только что активированных устройств между ранее оставленными, после чего скрепляли всю эту байду между собой отметками в маршрутной карте. Понимали ли они сами всю свою важность? Судя по их повадкам, нет. Боясь даже намёка на насилие, вид сильных, но явно в большей массе туповатых по сравнению с ними товарищей, вызывал в них трепет. Те же, в свою очередь, относились к ним снисходительно и с присущим старшинству уважением.

Несмотря на слухи об расширении паводка извергов, путь был чист и спокоен: мопеды приходилось заправлять довольно редко, от чего у нас была достаточная скорость. На точках для крепления маячков мы проводили большее количество времени похода. Оно уходило на установку и передых моих подопечных. Среди них были на что-то годные люди, но в сути своей они оставались чистюлями, которые не видели истинного лица бойни – сбитого, размазанного месива из крови, мяса, стекла и смерти. Относительно тепличные условия существования в обеспеченном поселении имели свойство

барьера, через который ужас реального мира не мог пробиться. Однако, всё скоротечно. Плохое это, хорошее ли, неважно. Всё стекает в единую дыру небытия.

Спустя пару дней мы наконец прибыли на нужную точку. То была благодатная местность: лесистая, одновременно укромная и обширная. Обитавшая живность сулила хороший охотничий улов, а выси деревьев могли обеспечить укрытие от лишних глаз. Даже если те будут пытаться прорваться сквозь эту завесу, то они могут угодить в ловушки, для создания которых такая территория является идеальным полем экспериментов.

– Малой, скажи, что у нас по времени? Сколько здесь ещё проторчать нужно?

– Конечно, докладываю: последний маячок был благополучно установлен, сэр, и теперь остаётся выждать время для его синхронизации с остальными!

– Голова, не забывай, что ещё лес надо прочесать, на это тоже несколько дней убить придётся. Возможно, что не только их, гык!

– Земля, по идее, должна быть безопасна, да и маячки на других участках молчат, поэтому б-будем верить в лучшее!

– На такую роскошь лучше не надеяться – всегда есть только ты, и одному ему следует доверять. Разбейте места для ночлега и сготовьте чего съестного, мы пока осмотрим местность. Ты – обратился я к ржавому – пока нас нет отвечаешь тут за всё. К вечеру вернёмся.

– Принял голова! Будем ждать вашего возвращения!

Мы вышли из лагеря. В компаньоны я взял себе высокого, худощавого и самого молчаливого члена моего отряда. Заприметил я его ещё с той показательной стычки и от остальных, помимо навыка держать язык за зубами, его отличали меткий глаз и хороший слух. В этом я смог убедиться по дороге к конечному пункту, когда он без каких-либо карт и навигаторов смог определить более удобную объездную дорогу, лишь взглядом окинув местность. Другой же случай подтвердивший его способности выдался тогда, когда лишь по минимальным изменениям в погоде он предугадал начало ливня. Именно благодаря нему мы вовремя нашли укрытие, и непогода обошла нас стороной, никак не повлияв на продвижение.

По лесу необходимо было перемещаться с предельной осторожностью: пускай всем своим видом округа и давала понять, что она нетронута посторонним человеческим вмешательством, потеря бдительности всегда приравнивается к потере жизни. Переговаривались мы мало, зачастую поддерживая контакт жестами.

Несколько раз мы натыкались на различную дичь: зайцы, олени, кабаны и прочее зверьё. Крупная добыча нам не попалась, однако её приметы, оставленные в когтистых следах и порезах с грязью на стволах деревьев, давали понять, что она

где-то да ошиивается. Что-что, а переживать о харчах по нашему возвращению не приходилось. К счастью моего спутника, нами не было обнаружено следов извергов, что лишь утверждало мысль о безопасности этого места для дальнейшего переезда.

Круг солнца начал постепенно закатываться за горизонт: надо возвращаться обратно к перевалу. Признаться, после обитания в поселении и регулярного питания органической пищей вместо химической байды, живот давал чаще о себе знать. Вот и сейчас подбирающийся голод, вкупе с уходящим днём побуждали сматываться обратно.

– На сегодня хватит, пора возвращаться. Дальнейший осмотр продолжим завтра.

В ответ я получил утвердительный кивок. Всё-таки понятливый человек.

С обратной дорогой не возникало больших трудностей, так как мы оставляли определённые метки – небольшие магнитные шары, работающие по принципу компаса: один шарик, находясь в прозрачной круглой сплюсненной коробке, притягивался к оставленному ранее шарикку, что и показывало верное направление. Моему помощнику с его-то навыками это не требовалась, однако предосторожность никогда не бывает лишней. Приблуда удобная, особенно когда дело касается лесных вылазок. Такой у меня ранее не имелось. В ней отсутствовал смысл – у меня не было и не будет дороги назад, не было и не будет иной цели кроме одной – **ЕГО** го-

ловы. Сейчас на моём пути возникли определённые промедления, однако скоро это измениться, и я...

Мой напарник резко остановился. До нынешнего момента наш темп был очень равномерен: мы старались охватить как можно больше деталей местности, поэтому шли друг от друга по сторонам, от чего такая резкая смена была заметна. Это говорило лишь об одном – что-то не так.

– Там – указательный палец руки направился в ту часть леса, которую я планировал обследовать завтра.

– Что «там»? Что ты услышал?

– Людей.

Короткая фраза запустила в моей голове моментальную реакцию: раз уж я командир, моё слово является главным, от чего оно будет иметь влияние не только на мою жизнь, но и на положение, которое, с учётом обстоятельств, мне ещё пригодится. Попытки убедить его в том, что ему послышалось, могут вызвать ко мне недоверие: ещё хуже, если он посчитает меня соучастником неизвестных, из-за чего всё прошедшее время может улететь в тартарары. Было бы куда легче, услышь я сам чего-нибудь, но в моих ушах царила тишь да гладь, которую теперь перебивал гул усердно работающих мозгов и стук сердца. К тому же, неизвестно что именно это за отряд, да и вообще – не изверги ли это?

– Уверен, что это именно люди?

– Изверги механизмы, они тише. Люди делают больше движений. Больше движений, больше шума.

Значит, это какая-то группа. Обоснуйся здесь другое поселение, оно явно оставило бы свой след на флоре, или вообще, в крайнем случае, могла случиться встреча с его разведчиками. Но этого не произошло, а природа по внешним признакам нетронута. Следовательно, это иная, более малочисленная компания, преследующая свои неизвестные мотивы. И надо выяснить, чего они забыли здесь, и уже отталкиваться от этого.

Весь этот бурный поток водоворотом стягивал мысли в единое решение. На это потребовалось несколько секунд.

– Веди меня.

8

Данное происшествие никак не повлияло на моё спокойствие. Какие-либо эмоциональные бурления могут лишь усугубить положение. Да и понимание собственных сил попросту не даёт им образоваться. Теперь я следовал за своим компаньоном – складывалось ощущение, будто он ориентировался на местности по наитию. Хотя, впрочем, так и было. Небо уже заволакивала темень, поэтому приходилось не только следить за путеводителем, но и за собственными движениями – один неосторожный шорох, и неизвестно какой оборот приобретут события.

Спустя некоторое время такого блуждания в поле зрения замерцал свет – явный признак того, что мы уже близко.

– Будь осторожен насколько это для тебя возможно. Без каких-либо выпадов.

Я кинул на него взгляд. В опустившемся вечере становилось сложнее различать детали местности и тем более внешности, однако судя по выражению его глаз, ему так же пришлось через многое пройти и понять определённые вещи – оно было невозмутимым, но в них ощущалось едва уловимое, хорошо затаённое предубеждение ко мне: ему будто были видны все закоулки души и понимание моих намерений. А я думал, что понял всё про каждого. На несколько мгновений его скрытые вечерним покровом зрачки завели меня

в тупиковые закутки сознания, словно откинув на месяц-два назад, когда в момент пробуждения присутствовало то же самое склизкое ощущение при разговоре со старым хрычом. Но на то моя голова и находится на плечах – в любой ситуации необходимо соображать быстро. Иначе совести попросту негде будет ютиться и некого мучать. Я кивнул ему в ответ.

С каждым шагом цель становилась ближе. Очевидно, что вдаль виднелось некоторое свечение, судя по всему, от лампы – во избежание лишних следов от столба кострового дыма в небо. Умно. Вот только от лишних глаз такое ухищрение всё равно не уберегло. Помимо искусственности источника освещения, в их пользу играл естественный фактор: для остановки неизвестные выбрали углублённую местность – таким образом, даже несмотря на приближение, источник не становился ярче, что вызывало некоторую неразбериху в перемещении. Однако моему товарищу это никак не мешало. Поэтому в определённый момент, ухватив за шкирку, он отволоч меня в сторону во тьму деревьев.

– Дальше будет спуск, мы можем вызвать шум. Останемся здесь, с этой точки я хорошо слышу то, что они обсуждают.

– Они о чём-то говорят? Ни черта не слышу!

Я ощутил себя круглым идиотом – не только потому, что на меня посмотрели соответствующе, но и из-за собственной недалёковидности, которую я продолжаю показывать. Сравнить чуткость слуха человека, который по дуновени-

ям ветра смог определить надвигающуюся грозу со своим, истерзанным взрывами снарядов и свистами извергов, надо было ещё догадаться.

– Раз в 30 минут я буду пересказывать их разговоры. Пока они незначительны. Если будет что-то срочное, я сообщу. Сейчас молчим.

Молчание. Сколько лет я прожил в нём? Лишь редкие «нежелательные» встречи с мародёрами и договора на защиту селений прорывали её. Всё остальное время я был один. Сам с собой. Казалось бы, столько времени прошло, я должен знать себя на зубок, от и до. Так оно и есть: мои реакции выверены, тело имеет полное сопряжение с мозгом, от чего зачаток действия тут же переходит в нейроны и отдаёт точечные движения. Но откуда это ощущение неполноценности? Почему все мои чувства, эмоции, прошлое, накрыты тентом? Что находится под непроглядностью этой материи? Каждый раз, когда я пытаюсь сорвать покров, меня тут же уносит. Нечто непонятное и хаотичное. Жалкое травоядное нашло свою погибель в пасти хищника, несущего добычу в логово. Неужели жертвой являюсь я сам? Тогда кто охотник?

Шорох отвлёк меня. Нельзя сказать, что я уснул, скорее ушёл на автопилот. Всё это время моё тело находилось в состоянии выжидания момента – дай лишь повод, условный сигнал, инстинкты бы тут же унесли меня туда, где нет места подобному бичеванию. Туда, где животное берёт вверх над человеческим началом. Туда, где в жерле битвы жизнь

изжигает саму себя. Туда, где я могу ощутить её истинную сущность. Туда, где...

Повторное движение, издавшее новый звук, оказалось ранее подслушивающим подчинённым, находившемся теперь предельно близко. Он прильнул к моему уху:

– Это группа не является переселенцами. Из разговоров и количества тембров можно сказать, что их около 20. Нашего присутствия не обнаружили. Опираясь на сказанное, они держат путь к объекту, уничтожение которого сулит им большую выгоду.

– Было уточнение что именно за «объект»?

– Исходя из сказанного, это некая крепость, около которой скитается огромный выводок извергов...

Его дальнейшие слова стали отбиваться об образовавшуюся в голове стену. Сомнений быть не могло – это **ОН**. А значит пришло время оскалить клыки: ответ найден.

9

Виду того, что ко мне пришло это осознание, я не подал. Даже если и можно было заметить изменения на моей физиономии в уже наступившей ночи, то только если бы я скорчил рожу в нелепую гримасу. Очевидно, он не понял, о какой крепости идёт речь. Сейчас предпринимать что-либо рано, хоть происходящее и позволит мне разом перепрыгнуть через несколько ступеней к достижению моей цели. Необходим холодный расчёт.

– Понял. Нам нужно разузнать как можно больше об их намерениях, поэтому возвращайся на точку. Как только они отойдут на боковую, возвращайся.

Он ничего мне не ответил, молча вернувшись на позицию.

Получается, не я один ищу этого ублюдка. Впрочем, не приходилось сомневаться в том, что не мне одному нужна его голова – просто об этом я раньше не думал. Всё, что у меня было это... Стоп. Только *это* и заполняло мой разум? А как же те, ради кого я это делаю? Их лица, где они? Неужели, они спрятаны под той накидкой в голове? Чёрт, с хера ли она трещит словно раздражённый улей? Почему именно сейчас? Неужели во мне произрастают семена человеческого?

Нет, нельзя. Эта паскуда моя, и только МОЯ добыча. Те, кто захотят урвать её, сгинут от моих рук. А после, ими же, я с превеликим удовольствием вдавлю глазёнки своей дичи

в черепную коробку. Затем я размажу её морду в кровавый кусок мяса и разорву пасть. Только тогда лица тех, за кого я мщу, проявятся.

Прошло около часа, может немного больше. Я увидел силуэт, который указывал своей рукой по направлению в обратную сторону – они закончили все свои переговоры, и теперь можно возвращаться к нашим. Во время пути назад мы не проронили ни слова. Очевидно, каждый был погружен в свои заботы, и у моего проводящего их явно было больше: конечно, сложившаяся ситуация ставит в ноль не только смысл нашей экспедиции, но и как таковую возможность съезда в ближайшее время. Эта локация стояла на примете заранее, определённо находясь в приоритете. И после моего появления, если быть точнее его причины, ими было принято решение воплощать съезд в жизнь. Однако эта толпа сильно подгадила их планам. Тут даже вернее сказать, что навалила. Но им не стоит переживать. У них есть я. А у меня план. Маленькие металлические шарики бесшумно падали на землю.

– О, ну наконец-то вы с главой вернулись! Мы уж за вами идти хотели! Вы вообще следили за часами? Уславливались на вечер, а сейчас время за полночь перевалило!

Мы ничего не стали отвечать на это. Наши лица объясняли всё доходчивее любых слов. Взглянув на нас, каждый до единого принял осунувшийся, задумчивый вид. Внеся в образовавшуюся ситуацию необходимые уточнения, в конце

нашего рассказа их физиономии выражали полнейшее непонимание того, как и что предпринимать в сложившихся обстоятельствах. Разве что ходивший со мной зоркий глаз продолжал сохранять отрешённое спокойствие.

– И что же н-нам делать?

– Да к чёрту всё это! Как же так?!

– Но каким образом они смогли разыскать эти места? Мы же до последнего были уверены, что они безлюдны... Что же за напасть такая?

Внутренние клапаны не сдержали всё то внезапно нахлынувшее отчаяние. С причитаниями они начали хвататься за головы и ходить по всей территории лагеря. В воздухе столь плотно повисло амбре страха перед неопределённым, что оно будто ощущалось на вкус: приторная солёность, отдающая потом и стухшим душком. Да, то что нужно – буквально ещё немного времени пребывания в такой засолке, и можно приступать.

Когда вокруг установилась атмосфера паники, мой желудок напомнил о том, что я не брал ничего съестного с утра. Признаюсь, в этом плане пребывание в деревне весьма избаловало меня. Нюх учуял мясной сытный запах, источником которого был котелок, висящий над уже тлеющими углями. Взяв лежащую рядом миску, я подчерпнул вкусно пахнувшее содержимое. Густая смесь заливается в меня, я различаю в ней кусочки мяса и овощей. Что-что, а готовят эти паникёры явно лучше, чем воображают. Это мне и на руку.

Пока мною съедалась третья порция, все взгляды от бесцельного метания друг от друга стянулись к моей фигуре. Эти глаза в разной степени смотрели на меня с надеждой, вымаливая дать разрешение возникшей проблемы. И что же, на их и свою удачу, я таковым располагал.

– Что вы на меня так уставились? Вы всё поставили на один исход, а тот взял и прогорел? Добро пожаловать в реальность, дети малые.

Ответом была тишина. Лишь в одной паре глаз я не увидел сомнения, и их взгляд не сходил с меня.

– Меня приставили к вам в качестве наблюдателя, и как только мы вернёмся обратно, я, выполнив свою часть сделки, преспокойненько отчалю с новым вооружением и отменным настроением.

Пустота безысходности заполонила их разум. Теперь её можно наполнить необходимым содержимым.

– Да ладно, шучу я. Ситуация неприятная, однако не безысходная. Так что ваш настрой тут вовсе не уместен, поэтому давайте без трагизма.

– Н-но что нам делать?

– Не отдавать то, что принадлежит вам. Мой план абсолютно прост – прямо сейчас мы идём к ним.

Образовавшаяся тишина стала вакуумом: она втянула всё их внимание к моим словам.

– Как вы уже успели понять, людей там немного. Через пару часов уже будет постепенно светать, и в этот момент

мы можем выдвинуться для лучшей ориентации в пространстве. Если двигаться в темпе, доберёмся часа за 2–3. При любом раскладе большая их часть будет не готова ко внезапной атаке, поэтому наше преимущество – это внезапность. Они расположились в углублении, но нам это даже сыграет на руку: кинув туда дымовую шашку, мы дезориентируем их ещё больше, после чего спустимся по склону и нападём на них.

– А дальше как? Не уж то мы... – то меня спросил самый младший, но я обрезал его тривиальный вопрос банальным ответом.

– Мы убьём их. Либо они, либо вы, вместе с будущим вашего поселения. Решайтесь, пока ещё можно.

Все члены отряда в смятении смотрели друг на друга. Все, кроме одного. Он меня начинает раздражать, прямо как тот старик.

– Чего вы умолкли?

Меня уже порядочно бесило их поведение. Они более напоминали забитую в угол детвору, даже бывалые бойцы переминались с ноги на ногу.

– Голова, ты же сам должен понимать, мы тут как осмотреть че да как, и если не так чего, то нам обратно стоит утекать... Я ж тогда для красного словца сказал про то, что тут вырезать кого надо...

Даже тому, кто с таким бесстрашием хотел набить мне морду при нашей первой встрече, тяжело давалось выдавливать из себя эти слова. Хотя, в отличии от других, он был в

состоянии хоть что-то промямлить.

– Хотите сказать, что это в ваших правилах убежать словно трусливые шавки, когда кто-то посягнул на то, что принадлежит вам? Может я и человек со стороны, которому ваши проблемы совершенно безразличны, однако видя вашу рассеянность мне хочется смеяться и плевать вам прямо в лица! Что или кто остановит меня? Я ведь нахожусь в окружении трусов, которые только учуяв запах горелого, тут же дают дёру куда подальше!

Они всё ещё стояли молчком, однако среди них наконец пошли шевеления: кто-то принял задумчивое положение, а некоторые начали перешёптываться. Будет чрезвычайно забавно, обговаривай они прямо сейчас нападение на меня. Хоть какая-то потеха будет.

– Не уж то вы не понимаете одну простую вещь: убежите сейчас, проблема никуда не денется. Закрывая глаза вы не избавитесь от опасности и смерти. Трупы тех, кто мыслил подобным образом уже давно удобрили червивую землю! Прямо сейчас у нас есть тактическое превосходство: мы знаем о враге – враг нет. Нас меньше. Возможно, мы слабее. Но пока есть цель нужно выгрызть зубами глотки тех, кто пытается посягнуть на неё. И спящий отряд каких-то неизвестных ничто по сравнению с благом оставленных вами дорогих и близких людей. Я же верно говорю?

В их глазах было согласие. Во всех, кроме одних.

– Если это так, то хорош уже яйца мять. Каждая секун-

да на вес золота! Организуйте быстрый сбор необходимого оружия. Дорога проложена, сам маршрут не составит больших препятствий. План нападения проговорим перед выходом. Чего застыли неженки, за работу!

«Да, голова» – ответил мне хор голосов. Сразу после, группа суетливо разбились по своим делам. Все, кроме одного, который, стоя у дерева, продолжал меня сверлить тем же взглядом, что и в лесу. Хватит уже так пялить, упырь.

Из-за того, что выездка была направлена исключительно на исследование местности, вооружения имелось немного, строго выверенный набор: защитное обмундирование, кинжалы, огнестрельное оружие, пара дымовых бомб, ножевые наручи и 9 копий, если не учитывать моё личное. Не густо, но это ничего – вырезать некрупную группу сонных людей для меня не проблема. Самое главное во время бойни приметить наиболее важных шишек их отряда, а именно главаря, путеводителей и связных. Наибольшей проблемой является сохранность прикреплённого ко мне отряда. Если хотя бы один из них умрёт, то моим планам от этого станет худо. Поэтому придётся раздробить 10 человек по ролям: юнцы останутся следить за оставшимися манатками и, в случае чего, дадут обратно по газам. Оставшейся семёркой мы выдвинемся на место, где оставим глазастого на посту наблюдения, ибо не хватало чтобы он меня во время драки пилил. Пятёрка других выполняет роль «активной» массовки – они могут баловаться на фоне и могут даже кого-то убить, однако большая часть возляжет на меня. Нельзя сказать, что я шибко против. Практика на поле боя мне точно не повредит. Всё, сборы окончены, план объяснён, роли распределены. Мы выдвинулись.

Нашу дорогу освещал повисший лунный блин в небе, а

благодаря компасу и пучеглазому маршрут вовсе не представлял никакой сложности. Желание лезть в голову к моим вынужденным приятелям у меня полностью отсутствовало – главное, что прямо сейчас они идут бок о бок со мной. А то, что роится у них в черепных коробках их дело. Главное, чтобы им не стал интересен мой головной улей. Таким образом, проходя через лесную чащу, собирая шарик за шариком, мы приблизились к цели. Некогда горевший источник света был погашен, а это значит, что они точно в отрубе. Охрану видать они решили не выставлять: посчитали, что тут вполне безопасно. Славно. Находясь ещё в допустимых пределах для перешёптываний, я подал знак чтоб повторно прояснить салагам весь план.

– Значит так, прогоняю в последний раз: один остаётся на посту наблюдения, он же ответственен за наше прикрытие и, если что, оповещении о нашем проигрыше. Я и остальные спускаемся вниз, где начинаем всё обдeldывать. Делаем всё быстро и без промедлений, к соображалке это относится в первую очередь. Затупите – сдохните. Старайтесь заприметить главных лиц группы, думаю вам это под силу.

– А с остальными что делать?

– Уничтожить.

Это слово произвело на них неизгладимое впечатление такой степени, что изменения в их лицах было заметно и не вооружённым глазом. Им в любом случае никуда не уйти от этого. Назад дороги уже нет. Вообще, было бы недурно что-

бы глазастый кого-то замещал, однако уже заранее ощущая этот взгляд на себе во время боя, мне стало мерзко. Пусть со своим осуждением стоит в сторонке и не мешается, всё равно большая часть людишек поляжет от моих рук.

– По моей команде: 1, 2...

На «3» я махнул рукой, и мы трусцой побежали до оврага. Началось.

Выбежав к краю, пучеглаз остановился на своей точке и бросил дымящуюся шашку. Тактика была простой – пока они не проснутся, работаем тихо. Как только очухаются, начинаем праздник со всеми фанфарами. Бойцы за мной спускались аккуратно и с осторожностью, когда я, используя особенности окружения, набрал максимально возможную скорость для налёта на ближайшую палатку. Вынув из ножен кинжал, я стремительно накинулся на натянутую ткань сонное пристанище. Доброе утро.

Первое попавшееся тело. Рука тут же производит серию быстрых колющих ударов по туловищу. Раз-два-три-четыре-пять, и первый труп готов. Через секунду на счёт присоединился и второй – одного продольного разреза вдоль груди ему хватило. Сбоку от меня слышалось шевеление: это свои глаза продирали постепенно приходящие в себя неприятели, которые пока что не могли вникнуть в суть происходящего из-за дымовой завесы. Их проблемы. Достав из кобуры ствол и сняв его с предохранителя, тремя выстрелами я вернул проснувшихся обратно в их спальные мешки. Те-

перь можно и пошуметь. Прячу пистолет обратно, одёргиваю стартёр на предплечье. Ножи начинают семенить с тем темпом, что за ними уже не уследить. Этого никак нельзя было сказать про моих оппонентов: маленькая группка из четырёх человек двигала в мою сторону, одновременно с этим пытаюсь разобраться с собственным обмундированием. Что же, подходите по одному.

Переживать за целостность «важных лиц» мне не приходилось – во-первых, очевидно, что их ночлег расположен ближе к центру, а во-вторых маловероятно то, что они ринулись в бой, когда вокруг поднялась такая суматоха. Судя по доносящимся звукам поодаль, мои рекруты тоже что-то да могут. Однако, я отвлёкся.

Из орудий у врагов были копья и режущие механизмы. Не знаю какими дурнями надо быть, чтобы считать это налётом извергов. Жалкое зрелище. Рванув с места и увернувшись от медленного удара копья, два семенящих острия впились в сокрытую под гибкой кольчугой телесную мякоть. Успей он натянуть более прочные доспехи, то ножи бы слетели в сторону. Однако, результат в виде глубинного разреза поперёк живота явно говорит сам за себя. Тут же с боку на меня понеслась вторая сонная тетеря с кинжалом. Согнув ноги и резко осев вниз, воздух над моей головой был сотрясён дуговым вертикальным взмахом. Прыжком назад я разорвал дистанцию и сразу после ринулся обратно. Тот, явно не ожидавший такой скорости, выкинул руку с кинжалом пря-

мо по моей траектории: поддавшись влево, я воткнул свой нож в его предплечье и без промедлений выломал культю в обратную сторону защищённой стороной своего механизма. Уши тут же заполонил отчаянный крик: не верещи ты, знаю, что больно. Высунув и провернув находящийся в ладони нож на 180 градусов, горизонтальным движением я прорезал ему горло и пинком отправил прямиком на подбежавшего сотоварища с копьём. Нанизанная туша мигом сбила набранную им скорость: он спотыкается и летит прямо на моё острие. Даже делать толком ничего не пришлось, мясо само приняло в себя холодную сталь. Последний из них, пытаясь во внезапность, напал на меня с работающим наручем. Развернувшись, я отклонил его удар защитным щитком. Машется он явно быстрее тех трупов, однако этого недостаточно. Поигравшись с ним около 10 секунд и измотав его, я выждал момент чтобы, зайдя в сторону, отсечь мелькающую перед глазами руку. Дальше дело за малым: пустить пулю в лоб, чтобы резанный не верещал.

Сделав это, в образовавшемся тумане, вместо новых соперников, к своему удовольствию, я слышал звуки сопротивления. Очевидно, мои парни одерживали вверх, иначе они были бы полными кретинами раз не смогли завалить оставшееся меньшинство. Убрав пистолет, я вырубил механизм. Умиротворяющее жужжание наруча на другой, отсечённой руке, было усладой. Давно этого не хватало. Ладно, стоит продираться сквозь завесу и в случае чего помочь урезать количе-

ство сопротивляющихся, после чего наконец начать допрос, который возможно приблизит меня к **НЕМУ**...

Всё стихло. Нет, это точно не окружение резко смолкло – тишина осела в моей голове. Щелчок затвора. Пятый. Откуда? В нескольких метрах от меня. Чёртова дымовая шашка. Выстрел. Рефлексы спасли меня, рука будто знала, по какой траектории полетит пуля. Та вдавливается в щиток. Рывками, из стороны в сторону, я урезаю пространство, пока его заполняет свист вылетающих из дула патронов. Жизнь, все мечты и стремления человека способен оборвать кусочек металла в несколько грамм. Забавно, что такое проносится в голове только когда сам находишься на грани. Я хватаюсь за разгорячённый ствол и упираю его в защиту: снаряд проходит через неё и кольчугу, погружаясь в плоть. Обжигающее и будоражащее ощущение соприкосновения смерти с жизнью в едином моменте на долю секунды относит моё сознание куда-то ввысь, придавая всей моей жалкой мстительной душонке свет божьего промысла. Однако, каким бы мгновение ни было окрыляющим, время строго подгоняет на смену ему следующее, которое вновь сталкивает меня в пучину. Я выбиваю пистолет из руки, после повторяю уже используемый сегодня приём. Сломав руку, я валю его на землю и начинаю бить. Лицо, шея, ключицы. Под моими кулаками всё ломается и становится фаршем.

Я тебя ненавижу.

Окончив с оупением месить то, что некогда было человеческой физиономией, я отступился от обезображенного огрызка. Болевые вибрации расходятся от всаженой пули, но это терпимо, и не через такое проходили. Звуки драки, которые я ранее подмечал, стихли: теперь слышалось отдалённое шептание. Неожиданно, в мою сторону из постепенно спадающего настила двинулся силуэт. Здоровая рука без моего ведома молниеносно метнулась до ножен, уже обнажив их содержимое.

– Э, голова, спокуха, это я!

– Который из?

– Эээ, ну ты выдал конечно. Уже забываешь тех, с кем в драчку лезешь?

Да.

– Короче то самое, мы всех вальнули, оставили только главаря и путеводителя.

– Остальных убили?

Тут же начались едва уловимые перекааты с ноги на ногу и произвольное мотание головы.

– Да, нам пришлось. Не считая тех двоих было человек 6, и их точно нельзя назвать хиляками. Ну как, «было» уже нельзя назвать, да... А у тебя как дела?

– Нормально, я всех перебил. Допрос начали?

– Да как же, надо было с тобой свернуться да узнать, не откинулся ли ты тут...

– Тут я не сдохну. Пошли, у нас ещё остались дела.

Проходя мимо него, я ощутил то, что он вмиг постарался подавить. Страх. Сравнившись с ним, инстинкт самосохранения едва заметно сдвинул его немного назад. Ничего: пока меня слушают, мне всё безразлично кроме **НЕГО**...

Пройдя через уже порядком развеявшейся туман, перед собой я увидел картину: четверо человек стоят и перекидываются между собой фразами, когда двое других, пыльных и побитых, были на коленях со связанными руками. Неужели именно эти ничтожества собирались забрать мою добычу? Какая жалость.

– Ооо, голова, ты как? Выглядишь самую малость потрепаным!

– Конечно, идиотина, он вырубил большую часть этого отряда, когда мы едва его меньшинство спросонья одолели! Не двинь я тебя в последнюю секунду в сторону, ты бы тут же отлетел на тот свет, дубина!

Начавший разговор тут же отстранился и принял тупейшее выражение лица, которое только можно представить: извинение, несогласие, возмущение. Как же велико желание вдавить это всё разом кулаком в его рожу. Но нельзя. Есть дело.

– Итак, без лишнего трёпа, начнём. Каковы ваши цели?

Согнутые головы опрокинулись. В их взглядах одинаково

читалась ненависть, однако каждая была со своей примесью – один взор выражал уверенность, другой же перманентный страх перед сложившимися обстоятельствами. Понять кто из них подчинённый, а кто вожак теперь не составляло никакого труда. И если взгляд человека слева говорил всё сам за себя, то язык правого мгновенно начал елозить:

– О, сэр, спасибо что д-дали нам слово и оставили в живых! Мы ва-ам всё мигом расскажем! Какой смысл в борьбе, ведь если быть мёртвым, то и бороться будет не с кем, верно?! Н-нас зовут...

– Мне без разницы. Говорите, зачем остановились здесь и куда вы направляетесь?

– Конечно, раз без лишних слов, так без лишних слов, разумеется! Тут у нас не более чем перевалочный пункт, однако же наша цель была велика и грандиозна! Мы хотели...

Очевидно, что этот недалёкий либо тронулся умом, либо придушивается. Уже нет никаких «мы». Есть только ты и твой горе-главарь, который вот-вот перережет верёвку и кинется на меня со складным лезвием. Судя по движениям в плечах, ему осталось совсем немного.

– ...положить конец эре ужасов и страданий, доставляемых этими извергами посредством убийства того, кто...

– СДОХНИ!

Справился значит. Молодец. Вот тебе заслуженный приз. Молниеносно достав пистолет, я спускаю пулю в его черепушку. Без шансов. Идиот. Рассказчик, теперь пробиваемый

крупной дрожью, умолкает. Остолопы в недоумении. Я подошёл к тому, кто минуту назад бессвязно бормотал и приложил раскалённое дуло к его лбу. Лицо исказилось гримасой боли и ужаса.

– Мне безразлично, знал ты про его выходку или нет. Если не хочешь присоединиться к нему, ты расскажешь мне всё. Понятно объяснил?

Голова закачалась во все стороны. Я вернул оружие обратно.

– М-мы должны были следовать до точки, откуда появляются все изверги.

– Как вы её вычислили?

– Рой по природе своей хаотичен и бесцелен, у них нет конкретной задачи к-кроме истребления. Однако большая его часть расположена на этих землях. Не конкретно здесь: это «вместилище» находится примерно в нескольких сотнях километрах от нас.

– Откуда такие чёткие данные?

– Долгое время, помимо устранения извергов, мы отмечали их патронами с маячками, а после отслеживали. Пули им всё равно нипочём, особенно выпущенные с дальнего расстояния.

В яблочко. Всё примерно так, как мне передавал вечером пучеглаз. Кинув взгляд на выбранное им для наблюдательного пункта место и не обнаружив его там, уголки рта согнулись в едва уловимой ухмылке. Убрался.

– Чем вы собирались гасить этих ублюдков?

– Сначала разбить их часть звуком колонок, затем и-использовать бомбы, а после пойти на оставшихся в атаку. Нам была нужна награда за голову т-того, кто правит этими ублюдками...

– Награда? – прозвучавшее слово всколыхнуло тихо стоявших до этого момента солдат, от чего они все разом повторили его в вопросительной форме.

– Да, колоссальная сумма денег и прочих ресурсов. С таким количеством всего мы бы в ус не дули всю оставшуюся жизнь, да и дети наших детей тоже, если так подумать. Однако, «мы» все п-передохли...

Говорящий понурился. Пусть погрустит. Пока он рассказал мне всё, что нужно. Большой отряд наёмников, которым дали крупный заказ на устранение. Очевидно, это какая-то значительная шишка, которая подмяла под себя десятки, а того гляди добрую сотню подобных селений, из которых вышли мои шалопаи. Непонятно правда, сколько их было в банде изначально: можно предположить, что за долгий смертельный путь отсеялась значительная часть от группы, однако они на уверенности всё равно пёрли за своей целью. Понимаю, однако никакого сочувствия у меня нет: не только потому, что я собственноручно вырезал большую часть оставшихся. Жизнь выкашивает всех, и только самые изворотливые находят способ избежать этой нескончаемой вырубки.

– Как было верно подмечено, никаких ваших «мы» боль-

ше нет. Однако есть «ты». И тебе решать, будешь ли ты сотрудничать с нами. Другой вариант развития событий думаю прояснять не стоит.

Испуганный взгляд пробежался по тому, что некогда было перевалочным пунктом его отряда. Затем, он остановился на мне. Теперь в нём отсутствовали страх или ненависть. Было только нужное мне смирение.

– Всё оружие расположено на краю лагеря в ящиках. Там находятся разборные звуковые установки и гранаты. Бензин там же. Остальное разбросано на всей территории перевала, но не думаю, что оно вам понадобится.

Он умолк. Больше его лицо ничего не выражало.

– Голова, о чём он таком тараторил? Уж не бздит ли он?

– Его слова правдивы, иначе бы он лежал ничком со своей командой. Ушастый передавал мне примерно то же самое, что и он сейчас. Этот тип знает, где находится логово того, кто ответственен за существование извергов.

– И что ты предлагаешь?

– Сначала доберёмся до нашей точки. Притащим туда коробки со снаряжением, а после отоспимся и отправимся обратно до селения. Хотя, думаю всё и так очевидно.

Осмотрев отряд, я не стал говорить никаких напутственных слов о том, что «Мы должны собраться с силами и остановить великое зло». Не время, пусть ещё промаринуются. Пора возвращаться обратно.

Ящики были достаточно большими. Сейчас, на данный

момент, проблема лежит в их перемещении до лагеря. Пришлось сооружать импровизированный воз: найдя большое плотное основание и закутав коробки тентами от палаток, мы потащили груз. Картограф присоединился к нам, ему не пришлось ничего более говорить.

Протаскавшись с этим грузом около 5–6 часов, мы наконец-то дотащились. По дороге новоприобретённая рана давала о себе знать, однако изъятие пули, первичная обработка и обматывание бинтом облегчили путь. Вернувшись грязными и изнурёнными, все разом свалились в сон, даже несмотря на палившее солнце. Перед тем как поддаться в забвение, я вновь ощутил ту совестливую иглу, которую в меня на протяжении последних суток вводят глаза моего наблюдателя.

– Пошёл ты.

Сны являли собой спутанные картины. Они у меня в принципе не отличались чёткостью: все эти образы были абстрактными и бесформенными. Каша грубых, резких мельтешащих мазков всех оттенков красного и чёрного. Из раза в раз нечто смешивается, сбивается и повторно покрывает себя собой же, повторяя данный цикл до момента, пока не проснусь.

Продрых я дольше всех: и потому, что дрался больше, да и образовавшаяся после стычки рана, пускай и была обработана, всё же стягивала ресурсы организма на своё восстановление. Впрочем, скоропостижное выздоровление для того, чтобы вновь обречь себя на риск, это ли не к лучшему? Если поговорка «Шрамы украшают мужчину» верна, то моё тело в таком случае можно назвать галереей, в копилку которой пойдёт очередная метка смерти.

Содержимое ящичков состояло из «музыкального оборудования»: пара крупных разборных колонок и под сотню звуковых бомб. Принцип работы, как объяснил пленный, состоял в испускании особых частот. В отличие от защитных установок селения они обладали большим эффектом и компактностью. На практике эти штуки способны уничтожить извергов на дальней дистанции, а вблизи вовсе расщепить их. Гранаты действовали по такому же принципу, но в меньших масшта-

бах. Для того, чтобы находящимся вблизи не лишиться перепонки, использовались особые шлемы со слуховой защитой и установленной внутри системой связи. Пришлось изрядно постараться чтобы дотащить всё это до нашего перевала, но теперь задача состояла в другом: перевезти такое количество оборудования до селения. Из-за величины и количества вещей они не могли уместиться на крепления мопедов: придётся воспользоваться методом, которым мы доставляли эти коробки сюда, только с использованием транспорта. Однако, лишний груз скажется на работе моторов, от чего они с большим аппетитом будут жрать и так разбавленный бензин. Придётся заправлять тем, который мы добыли в лагере. При лучшем раскладе всего запаса должно хватить тюгелька в тюгельку.

Собрав шмотьё и присобачив всё «лишнее», мы наконец выдвинулись обратно. Говорить про пользу этих плодов не приходилось: я близок к **НЕМУ** как никогда, в моём подчинении находится ресурс, который вот-вот и будет полностью в моём распоряжении. В итоге я обзавёлся оружием, которое явно внесёт свою лепту. Стоит признаться себе в том, то до этого момента моё стремление было несбыточным – мне была необходима фантастическая цель, для оправдания своего существования. Для того, чтобы всё потерянное и разрушенное мною имело хоть какой-то смысл. И сейчас этот смысл концом верёвки болтается над моей головой: остаётся только сильнее одёрнуть.

Прибыв в селение и рассказав о том, что с нами произошло, в глазах местной общественности я и мой отряд приобрели героический статус. Для нашего чествования на следующий день устроили даже небольшую пирушку, на которой компашка дураков рассказывала ещё большим дуракам о своих «подвигах», сильно преувеличивая суть происходящего. Главное, они упоминали своего «Славного капитана, благодаря которому удалось избежать жертв и вычистить территорию». На этом «празднике» меня не было, как и пучеглаза. Впрочем, плевать о чём он там думает. Мне стоит поразмыслить над другим. Выдвигаться на бойню пока нет смысла. Пусть олухи побудут на пике блаженства ещё пару деньков, пока я поработаю над планом, потренируюсь и дождусь более полного восстановления руки.

Маршрут есть. Теперь же необходимо понимание того, чему придётся противостоять: по этому вопросу я обратился к пленённому наёмнику. В обмен на возможность жить, заключённый должен составить карту, а после, проведя до места и подготовив оборудование, пусть делает что хочет. Для этого у него есть все необходимые инструменты: он оказался весьма рукастым, и держать такие руки в кандалах весьма недальновидно. Деваться ему некуда, а тут в любом случае есть возможность срубить свою выгоду. Да и к тому же, если учесть его род деятельности, не думаю, что у него где-нибудь есть близкие.

– Судить точно, что конкретно из себя представляет это

строение, невозможно. Наверняка можно сказать одно: оно огромное, а около него, судя по активности отслеживаемых ранее извергов, ошивается огромный рой этих самых тварей.

– Понятно. Какие ресурсы ещё необходимы для миссии?

– Ну, тяжело сказать: я бы подкрутил настройку шлемов, порылся бы во внутренностях колонок для большего звукового диапазона, да и стоило бы подделать новые копии всего. Хотя, смысла в этом немного.

– Что ты имеешь в виду?

– Говоря на чистоту, вы все передохните. Наш отряд считался одним из лучших. Когда мы только взялись за это дело, нас было раза в два больше чем перед тем, как вы... Нет, конкретно ты, перерезал оставшееся меньшинство.

– И к чему ты ведёшь, позволь узнать.

– Ты вообще слушаешь? Да к тому, что вы все сдохните. Если не по дороге, так в её конце. Мы такими же были, а по итогу я сейчас один, стою здесь и разъясняю это всё тебе.

– А с чего ты взял, что моя цель сильно разниться с тем, что ты сказал?

В очередной раз пришлось увидеть это глупое выражение лица, которое повторяется у всех этих идиотов: будто им только сейчас открывается суть человека, с которым им приходится иметь дело. Но всё же главная тупость заключается в том, что они просто игнорируют такой немаловажный факт моей персоны, продолжая закрывать на него глаза.

– Извини, что ты сказал?

– Начинай составлять карту к крепости и продолжай работать. Иначе я тебя вздёрну.

– Но ведь вы со своим отрядом сборы даже не орга...

– Я не люблю повторять.

Кроткий кивок дал понять, что всё понятно. Выйдя из шатра, физиономию обдало мягким ветряным потоком. Осталось немного. Я близок.

– Зачем ты тут?

– Что?

Страх. Отскочив на несколько метров и потянувшись за ножом, я увидел перед собой его.

– Чего смотришь? Вид старых дряхлых людей тебя так пугает?

Старик стоял, облокотившись на один из многих проводных столбов, по которому проходила питающая весь лагерь энергия: добывалась она с солнечных панелей и прочих приспособлений.

– Нет, просто есть у тебя особое умение появляться тогда, когда это вовсе ненужно.

– Уж извиняй скиталец, что есть, то есть.

Между нами установилась тишина: я старался избегать прямого зрительного контакта с ним, даже с учётом того, что его глаза всё ещё оставались такими же мелкими, а густая краска ночи редко очеркивала поблёскивающие белки. Было очевидно: я у него опять как на ладони.

– Почему ты не присутствовал на ужине? По сути, без тво-

его внушительного вклада в дело нашего селения, так бурно отмечать было бы нечего, да и возможно не с кем.

– Спасибо, предпочитаю держать голову трезвой. Да и к тому же, все уже упились в стельку, а на объедки слетаться мне ни к чему.

– Хм, знаешь ты себе цену. Кстати, об этом: снаряжение полностью восстановлено, и за выполненную работу тебя обеспечили запасными комплектами лезвий, кольчуги и провиантом на первое время. Тебе остаётся только подождать полного выздоровления и всё, так желанная тобою свобода.

Его лицо изобразило самую искреннюю и добродушную улыбку из всех, что мне приходилось видеть. Когда он успел стать таким?

– Эм, я... Конечно... Благодарен... Однако всё изменилось.

– Неужели? Ты не похож на человека, который так просто меняет планы. Что же могло произойти?

Ему что-то известно? Почему он говорит со мной так играючи, словно водит ребёнка за нос? Кем этот старикан себя возомнил? Стоп. Именно этого он и добивается: он хочет вывести меня.

– Я же вроде как рассказывал по возвращению, что пленный доложил про рой всех этих тварей, который необходимо уничтожить, иначе опасность извергов никуда не исчезнет. Того гляди, удастся найти...

– ...того, кто за ними стоит?

– Ты знаешь его? За его голову назначена огромная награда, которая полагается тем, кто её добудет.

– Понятия не имею. Я до ваших откровений, как и все наши, не знал про существование подобного. Мог только предполагать, что за всем этим стоит некий кукловод. До материальных благ мне и вовсе дела нет, в любом случае как ни крути недолго осталось.

– Тогда...

– Ты совсем тугоухий? Это просто мои догадки и мысли, дубина. Не могли же такие ироды образоваться в естественной среде обитания? Без человеческого вмешательства и алчности никуда.

– Верно.

Напряжённое молчание. Хотя, как мне кажется, таковым оно было только для меня.

– Зачем тебе это всё, бродяга?

– Можно конкретнее?

– Ненависть. Тобой движет лишь желание убивать. Ради чего?

– Не твоё дело, хрыч.

– Согласен, это не более чем старческое любопытство и взгляд со стороны с сопутствующими выводами. Но признай: тебе плевать на мир, а тем более на живых существ, населяющих его. Он утратил в твоём понимании хоть какую-то ценность. И поэтому жизнь для тебя ничего не значит, ибо твоё собственное пребывание на этой брэнной земле есть не

более чем существование.

– Умён, умён. А ты не мог сообразить то, что это и является моей жизнью, а?

– Может быть. Но только с чего ты взял, что твой нынешний путь есть единственный выход из той собственноручно завитой спирали смерти?

Все мои эмоции стянулись в струну, которая могла бы порваться от минимального соприкосновения. А этот старик, со знанием собственной неуязвимости, продолжал оттягивать её из раза в раз. В таких ситуациях я обычно не бываю – если мой собеседник начинает бесить, я его убиваю. Однако происходящее сейчас, сильно отличается от всего, что было до этого. Я просто не могу убить этого старика. Нет, суть не в том, что он находится на своей территории. Было нечто другое.

– Мне неведомы мотивы, которые завели тебя сюда. Выбор твой, чем или кем ты хочешь являться. Я не более чем старик, который даёт рекомендации моим соплеменникам и подобным странникам как ты. Слова всегда останутся лишь звуком, и только от слушающего зависит, донесётся ли их смысл до него.

Облачной настил совсем спрятал в своей гуще луну, от чего заметно стемнело.

– Ладно, заговорились мы тут. Не смею оттягивать тебя от реализации твоих задумок. Спокойной ночи.

– И тебе не хворать, дед.

В лицо хлынул холодный ветер. Стариковская фигура развеялась в ночи. Я остался один.

Через некоторое время рука полностью восстановилась. С каждым днём пребывания здесь влияние через уста моего отряда лишь возрастало и закреплялось. Большого труда стоило соответствовать этому образу: общаться с людьми, проводить тренировки, раздавать советы по ведению боя и конечно же продвигать мысль насчёт битвы против большого зла, пытаясь затмить этим свои истинные намерения. Даже несмотря на оказываемые уважение и почёт со стороны большинства, это не находило отклика в восприятии: было всё так же безразлично. Я просто хочу получить то, что по праву моё.

Наш разговор со стариком остался между нами. В любом случае я не выдавал в нём конкретных намерений, поэтому даже если что-то он и проболтает главному, с большей долей вероятности меня это никак не затронет. Бесящий пучеглаз растворился с моих радаров, что меня несомненно радовало: одной совестливой проблемой меньше.

Было необходимо понимание того, как группой из 20–30 человек (а я планировал собрать такое количество народу) можно будет противостоять рою из сотен, если не тысячи извергов. Допустим, некоторую часть роя выкосят колонки. Другую возьмут на себя гранаты. А оставшихся... Что же, их придётся бить собственноручно. Варианты исхода, о ко-

торых я думаю, приводят к смерти всех и в большинстве из них моя персона не исключение. Хотя, буду откровенен перед собой – после ЕГО смерти мне будто совершенно нет дела до жизни. Нет планов, нет целей, нет стремлений. В нашем разговоре дед ошибался: пока у человека есть что-то, к чему тот стремится, его жизнь нельзя свести к аморфному существованию, даже несмотря на ничтожность или низость его стремлений.

Итак, главной задачей на нынешнем этапе плана является использовать весь свой скудный дар убеждения и заставить верить моих старых и новых рекрутов в том, что миссия сулит лишь выгоду, а не верную смерть. Необходимо проверить всё это до начала съезда, подготовки к которому набирают обороты.

Уговорить старый состав отряда за мою инициативу не было чем-то то сложным: по сути, их я обработал ещё на вылазке, доказав свою действенность и прояснив им то, что убийство мифического предводителя стеклянных тварей сулит большую награду от неизвестных, но очень влиятельных лиц, доступ к которым до сих пор имеет наш выживший пленник. Это же должно было повлиять и на решение главы поселения. Выбрав определённый день и время, мы направились к нему, заодно прихватив и пленённого связного, который как раз практически закончил прокладывать маршрут. Страх и вправду лучшее топливо для человеческой деятельности.

Шатёр главного был раза в два больше всех остальных. Помимо решения вопросов, здесь же он и проживал: элементы трибун и стулья прятались, а из скрытых секций в оставшейся мебели доставалась домашняя утварь. Но из-за важности грядущего для жителей события, всё находилось в рабочем виде для экономии времени.

– Приветствую. Надеюсь, вы ко мне пришли чем-то важным, и я смогу вам выделить свободную минуту. Ну, чем пожаловали?

Эти слова он проговорил в нос, уткнувшись головой в перепись каких-то бумаг. Но несмотря на занятость и отвлечённость, вокруг него всё ещё витал ореол значимости, который был виден всем его подчинённым.

– У нас есть к тебе серьёзный разговор.

– О, даже так. Я вас слушаю.

Он мельком посмотрел на меня, после обратно уткнувшись в свои документы.

– Мы пришли к тебе насчёт того, чтобы запросить дополнительные ресурсы на создание выездной группы, которая искоренит проблему извергов навсегда.

Тут он остановился и посмотрел на меня: наконец его внимание было полностью привлечено.

– Говори.

– Добавлять кроме того, что было сказано ещё тогда, по нашему возвращению, особо нечего: в качестве боевой поддержки нам необходимо ещё человек 10, а ещё ресурсы на

разработку дополнительного оборудования, наподобие найденных шлемов. Тот, кто знает, как это быстро сделать у нас имеется.

Кто-то из моего отряда двинул вперёд скованного в наручники пленного.

– Так же, захваченный враг оказался на редкость способным, и помимо инженерных навыков, отвечал за картографию поверженной группы. И прямо сейчас, благодаря его работкам мы имеем прямой и наиболее безопасный маршрут для совершения нападения на врага.

Я взял из его рук свёрнутую карту и положил на стол главному. Рабочее место находилось на пьедестале, от чего пришлось вытянуть руку немного вверх. Развернув лист, его взгляд внимательно осмотрел проходящую вдоль него изгибистую красную линию. После, он обратился к отряду:

– И что же, вы все согласны с этим решением? Учитывайте, что на кону стоит обеспечение безопасности селения, и я как ответственный за всё должен постараться принять правильное, насколько это в принципе возможно, решение.

– Сэр, этот пленный имеет выход на связь с большими людьми, которые смогут очень сильно улучшить наше положение настолько, что возможно нам больше не придётся съезжать с места на место.

– Глава, хочу втиснуться и подтвердить всё сказанное: это действительно всё может изменить, и наша выгода тут очевидна. Покровительство больших шишек никогда не будет

лишним.

– Эти шишки настолько высоко растут, что нам их даже с земли не разглядеть? Вам известно, кто это конкретно? И какой будет их реакция, когда они узнают, что задание выполнили другие люди?

Немного вперёд подался заключённый:

– Договор на миссию с нами заключал их представитель. Не думаю, что им есть дело до тех, кто выполнил заказ. Но и в случае чего, моё членство в старом отряде подтверждено, поэтому проблем с этим возникнуть не должно.

– А какая твоя выгода работать с убийцами твоих людей?

– Ещё чего спросите. У наёмников нет принципов, а деньги всегда остаются деньгами. Обладай я ими, не стоял бы здесь сейчас.

Он определённо был смышлённым, не зря я его таким представил. Главный осмотрел его, пытаясь выискать в нём те понятия чести, которые теплились в его восприятии мира. И в очередной раз не найдя, как и в случае со мной то, что искал, выдохнул. Когда же до этой глыбы благородства дойдёт, что подобные мне и этому человеку люди являемся тараканами на столе бытия. Живучие и увёртливые, целью наших жизней является возможность урвать хоть какие-то крохи с барского плеча.

– Вы должны понимать, что для вас это может оказаться последним заданием. Мы и так находимся в достатке, нам хватает на все нужды и...

– Извините босс что влезаю, но о чём вы? Как бы мы поступили, убей мы не группу наёмников, а таких же съезжающих? Не побоюсь выражений, но мы были бы в огромном возе дерьма!

– Да и если бы не решения главы отряда, нам бы явно пришлось херово...

– Поэтому я и выбрал такого человека на пост руководителя вашего отряда... Но готовы ли вы вверить ему свои судьбы?

– Да, сэр.

Он умолк. Ему было более нечего сказать, козырный вопрос не сработал. В его правах просто сказать «нет», однако этого не произойдёт. Он может попытаться потянуть резину ещё, надавить на пространные понятия. Однако почему эта скала всё никак не поймёт: люди всегда остаются людьми. Если на горизонте замаячит выгода, то большинство без каких-либо раздумий рванут за ней. И только в пути у них может закрасться вопрос ради чего всё это, но и тот будет сметён без лишних колебаний.

– Парни, надеюсь вы осознаёте на какие риски мы все пойдём, если я соглашусь с вашей затеей. Мне не хотелось бы терять людской ресурс в такую минуту, однако если вы уже всё взвесили «за» и «против», то я готов выделить нужное вам вооружение и нескольких человек.

Тут все как один осели на пол: стояли только я и пленный. Переглянувшись, мы решили последовать примеру, опустив-

шись на одно колено.

– Благодарим тебя за оказанное великодушие и доверие, глава. Обещаем, что приложим все усилия дабы оправдать их.

– Бросьте в ноги кланяться. Если это всё, чего вы хотели, то можете идти. В любом случае, отменять съезд из-за этого обстоятельства я не намерен, поэтому постарайтесь организоваться в кратчайшие сроки. Мы будем выдвигаться немногим позже вашего, поэтому сразу возвращайтесь на новую точку. Ещё увидимся, но в любом случае желаю вам удачи.

В последующем выдохе я ощутил некоторую грусть, однако, судя по всему, кроме меня на это никто не обратил внимания. Все были счастливы от согласия лидера: эти дуралеи уже строили в своих фантазиях воздушные замки и горы богатства. Даже нас с пленным такой расклад порадовал: вероятно, он думал о том, что получит свою долю в большем объёме. Я же, в свою очередь...

– Постой. Останься на минутку.

Все разом обернулись, однако понять к кому он конкретно обращается большого труда не составило.

– Подождите меня на выходе.

Когда пространство освободилось, мы с главой остались наедине. Спустившись и подойдя ко мне, он начал:

– Зачем тебе это?

– Что именно? Не совсем понимаю вас.

– Деньги, власть, вопрос чести? Ради чего ты используешь

этих людей?

– Они вроде сами вполне чётко дали понять, зачем им это. И я тут ни при чём.

– Ты можешь врать всем, включая меня, и никто тебе ничего не противопоставит. Но надеюсь, ты хотя бы честен перед собой. Можешь идти.

Когда он отвернулся, я услышал очередной печальный выдох. Что же, можешь и дальше громко дышать: в твоих силах было запретить своим людям следовать за мной, но ты этого не сделал. В чём тут моя вина?

Выйдя из шатра, ко мне разом подлетели мои рекруты:

– Что-то случилось? Что тебе сказал глава?

Я видел их искренний интерес в том, что я отвечу. План идёт как нельзя лучше.

– Ничего такого, мужики. Просто ещё раз пожелал нам удачи.

Подготовка началась на следующий день, сразу после нашего разговора: к «залётному», как его стали называть местные, добавилось ещё несколько мастеров для производства дополнительной партии звукоизоляционных шлемов. По сути они являлись единственным, что необходимо доделать, остального и так хватало. Для меня же были изготовлены особые доспехи, которые делались под собственные индивидуальные требования. Щитки отныне были тяжелее, но вместе с этим они приобрели большую прочность и износостойкость. Но самым главным нововведением стали механизмы с кольями: ножи сменили широкие клинки, более смахивающие на тесаки, и всё это добро спрятано под заострёнными толстыми щитами. Любому другому таскать такую бандуру на руках доставило бы огромных проблем, для меня же это плёвое дело. В последней стычке с извергами я был застигнут ими врасплох, а силы и вооружение были на исходе. Теперь же настал мой час постучать в их дверь с заготовленными подарками.

Пучеглазый отказался от участия в миссии, сославшись на свою необходимость находится при сборах селения. Неприятно, но, если подумать, так даже лучше. Его полезные навыки перебиваются противностью и назидательностью характера, которыми он мог довести меня до рукоприкладства с ле-

тальным исходом. Несмотря на схожесть со стариком, в моём восприятии между ними огромная пропасть. Именно из-за этой разницы я даже не могу представить то, как убиваю последнего, чего нельзя сказать ни про глазастого, ни про остальных. Было бы занятно покумекать, какие такие принципы не позволяют даже подумать об этом. Но сейчас, когда ЕГО голова так близко, это совершенно не имеет значения.

Сборы не доставили никаких проблем, даже если учесть смежную подготовку к переезду. Продолжало сказываться полученное за это время уважение и надежда местных на лучшую жизнь, которую им обеспечат их «славные» герои. К нам присоединилось ещё семеро добровольцев, которые явно собирались отправиться с нами не ради поправки дел своего народа: им была нужна та колоссальная прибыль, доля которой сможет прильнуть в их карманы. Тупые, никчёмные и жалкие выражения их лиц отнесли меня в момент, когда я впервые очнулся здесь – неужели тогда я ошибся, полагая что большая часть здешних обитателей «приятные» люди? Скорее всего. Не отрицаю, как таковые они имеются, однако, как и везде, являются не более чем исключением из правил. Случись всё наоборот, то мы бы жили в явно лучшем мире, чем этот.

Тьма, пожирающая саму себя. Раньше мои сны различались хотя бы цветами. Теперь же сплошное ничто. Жёсткая и шершавая, она могла иметь материальное воплощение, которое разом бы стёрло меня. Циркулируя и закручиваясь внутри собственной неизвестности, её всплески били по моему восприятию. Истязание продолжалось всю ночь, пока красное зарево рассвета не продралось сквозь это сплошное марево.

Проснувшись в холодном поту, мне потребовалось какое-то время чтобы воссоздать окружающую действительность по кусочкам. Закончив сбор этой мозаики и осознав, что до нашего выезда в **ЕГО** логово оставались считанные часы, я оцепенел. Каким образом я здесь оказался, неужели всё это происходит со мной? Ощущение, будто настоящий «я» спал где-то в закутках собственной головы, пока некто другой заправлял всеми делами и вдруг резко сбросил свои полномочия на только что пробудившегося меня.

Сняв оковы оцепенения, я огляделся: по бокам от меня спали все те люди, которые были обмануты мною. Вернее, как сказать: за мной они следуют по собственной инициативе и с желанием воплотить свои же амбиции и мечты. Однако их светящаяся надежда в своих лучах таит истинный мрак моих намерений. Пробравшись через тела, я вышел на

улицу. Днём и вечером погода стояла жаркая, однако сейчас холод ранних часов пронизывал сотней игл. Нам выделили большой шатёр, который располагался вблизи защитной ограды, дабы наш выезд проходил без лишних проволок. Около строения располагалось всё необходимое: ящики с бомбами и колонками, доделанные совсем недавно шлемы и доспехи с сопутствующими им дополнениями. Подойдя к своим, я с некоторой любовью осмотрел их – такого снаряжения у меня в жизни не было. Кроваво-оранжевый свет восходящего солнца красиво ложился на них и отсвечивал мне в глаза через металлические вставки. Возможность принять свой, вероятно, последний бой в таком облачении не могло не вызвать улыбки даже у такой бездушной машины как я.

– Голова, ты уже на ногах? Брр, как ты умудряешься не мёрзнуть в такую холодрыгу?

Спросивший голос принадлежал новенькому добровольцу: большой, склонный к полноте идиот, который, справедливости ради, был недурной боевой единицей. Стерев с лица улыбку, я повернулся к нему с былой бесчувственностью:

– Представь себе, нет. Иди буди остальных. Чем раньше соберёмся, тем лучше.

Уже через час-полтора всё было готово: мопеды заправлены, припасы подготовлены. На наши проводы вышла большая часть жителей. Некоторые из них что-то выкрикивали, другие спросонья протирали глаза и зевали во всю пасть. Перед подошедшим главой толпа расступилась: по правую руку

от него находился старец.

– В это утро от имени всех присутствующих я желаю вам удачи и победы во имя достижения лучшего мира для наших потомков и всех других страждущих людей этих земель! Однако знайте, что если достигнутого добиться не удастся, то мы в любом случае будем рады вашему возвращению живыми!

Стоящие зеваки захлопали: им было толком то плевать, каждый думал о том, чтобы вернуться либо за своё дело, или же в пока не окончательно остывшую постель. Мои же дурни чуть ли не до земли кланялись. Лица были обгажены улыбка-ми столь приторными и сладкими, что в моменте потянуло блевать. *Вот уроды.*

– Спасибо дорогие и любимые! Спасибо, глава, за такое светлое напутствие! Мы обязательно вернёмся, и главным трофеем станет наша победа!

Ржавый видать не сдержался и изрыгнул из себя всё скопившееся в нём. Стоит заметить, настолько красноречиво за время моего проживания здесь он ещё не выражался. Не удивлюсь, если это можно отнести ко всей его жизни. Пока беснование продолжалось, я уцепился взглядом за старика. Впервые вижу его столь отчётливо: до этого приходилось иметь с ним дело только после пробуждения и в ночи. Сейчас же утро давало возможность разглядеть его во всех деталях: большая квадратная голова с выпуклым лбом, маленькое, скрюченное возрастом исхудалое тельце, укутанное в

плотную белую накидку, которая по сравнению с его бородой была немного сероватой. Мелкие голубые глаза... Чёрт, он всё это в ответ на меня паялил! Хрыч хренов! Я моментально отвернулся от него. Смотреть что ли больше некуда, старый?

– Эй, хорош горланить, выдвигаемся.

Мой указ окончил их минуту славы, и они наконец двинулись в сторону мопедов, периодически оборачиваясь для прощальных взмахов руками. К тому моменту уже большая масса людей рассосалась обратно. Глава стоял, разговаривая с подошедшими к нему мужиками, пока этот старик... На кой хрен я только обернулся: будто, хотя не удивлюсь если это так, он не сводил с меня своего взгляда. Его высветленные точки в глазницах выражали... Сочувствие? Почему ты так не смотришь на своих же людей, которые с вытянутыми от счастья лицами идут подышать? Чем конкретно я заслужил этот взгляд?

– Голова, мы готовы! Может стоит сделать ещё одну проверку?

– Нет надобности. Выдвигаемся прямо сейчас.

От утреннего холода не осталось и следа: чистое безоблачное небо с повисшим в нём солнцем, которое своими лучами пыталось прожечь наши спины. Потоки сухого воздуха, которые обдавали нас при быстрой езде, никак не поправляли ситуацию, если только не усугубляли её. Из-за этого хотелось больше пить, но у нас было минимальное количество остановок перед **ЕГО** обителью. Я испытывал одну жажду, поэтому в вечер перед выездом, когда мы обговаривали всё в последний раз, мною исключилась возможность устраивать незапланированные привалы без веской причины.

Наша колонна двигалась достаточно быстро. В её главе был я, когда сбоку в присоединённой кабине сидел подкидыш, следивший за соблюдением маршрута по картам. Вещи и снаряжение были распределены на трёх телегах, по два мопеда на каждую. Свободные от всякого груза находились по бокам, следя за обстановкой в округе. По дороге меня удивило то, что, направляясь в логово извергов, мы совершенно не замечали следов их «жизнедеятельности». Да и в принципе, несмотря на слухи насчёт их распространения, за последние месяцы они встречались не слишком часто, от чего их удавалось устранять даже без близкого контакта, а та стычка по дороге в лес была моим последним столкновением с ними.

Всё же, такая изнуряющая погода играла на руку: во время

перерывов на дозаправку не приходилось сильно задерживаться. Никому не хотелось находиться без движения на такой жаре, поэтому все старались уложить свои нужды в кратчайшие сроки. По итогу, уже к ночи следующего дня мы прибыли на точку, которая находилась в нескольких километрах от ЕГО местообитания.

– Мы не можем приблизиться на мопедах, чтобы нас не заметили, поэтому действуем так: сейчас необходимо доставить звуковые установки на максимально возможную близкую дистанцию, чтобы удалось произвести нужный эффект.

– Это ты славно затираешь, однако вопрос: какое количество извергов эти штуки способны выкосить? Да и вообще, не спялят ли нас по пути? Что скажешь на этот счёт?

Всё это время я стоял в полной задумчивости и отрешённости. Как я оказался здесь? Неужели это правда? Можно ли предположить, что всё происходящее вокруг это предсмертная галлюцинация после той изнурительной драки, когда я был готов с проклятиями уйти из этого мира? Всё, хватит. Думать уже времени нет, остаётся лишь действие.

– Наш соратник не настолько туп в отличии от некоторых присутствующих, которые находят смысл сомневаться в его словах, я верно говорю?

Кинув взгляд на подкидыша, тот беспорядочно быстро закивал головой.

– Д-да, совершенно верно! Из того, что мы никого не встретили, можно сделать вывод что все стекляшки находят-

ся в одной точке. А протащить колонки большого труда не составит: по сути, от нас требуется только аккуратность и сработанность. Они уже в рабочем состоянии, нам то всего потребуется нажать на кнопку и всё! Неважно сколько их там будет: они идентичны друг другу и эффект от частоты скажется одинаково что на одной твари, что на сотне сразу!

– Думаю, после таких объяснений, вопросов больше ни у кого не возникнет. Сейчас небольшой передых, проверка всего оборудования, а после перетаскиваем всё вооружение на место и осматриваем объект, который будем штурмовать.

– Эм, извини, но как мы...

– Завались. Иначе с этим помогу я. У кого-то ещё остались вопросы?

– Нет, голова.

Я чувствовал, как моё естество прорастает сквозь образованный кокон лицемерия. Здесь, когда до *МОЕЙ* цели рукой подать, не было нужды прятать себя настоящего, однако нужно держаться до последнего: осталось не так уж много. Но что за странное чувство начало роиться во мне? Склизкое и тяжёлое, оно осело на моём сердце, сдавливая его вместе с мыслями. Сейчас не время пускаться в иррациональную муть. Нельзя.

Облачившись в доспехи, мы выдвинулись в последний путь. Закрепив источники неяркого света, движение было с той скоростью, чтобы не могли возникнуть лишние шумы. Местность была гористой, но в меру проходимой. Самым тя-

жёлтым, конечно, являлись звуковые установки, на каждую из которых приходилось по 8 рук. Другие отвечали за всё вооружение и перевоз двух мопедов, которые смогли бы помочь унести ноги четверым от силы.

– Голова, м-может нам стоит взять с собой больше мопедов?

– Исключено, мы и так загружены по полной.

– Но ч-что если...

Тогда я отвесил говорившему пощёчину. Твою мать, я даже толком не помню, что это за тип и когда он появился. Он был в первом составе, или присоединился недавно? В любом случае, этот инцидент дал понять всем, какими будут мои последующие ответы на вопросы.

Путь проходил в полном молчании. Говорить что-то в принципе было нежелательно. Опять же, только в экстренных случаях. А с другой стороны, какая вообще могла быть тема для разговора? Может, им наконец-то раскроется моя суть и они поймут, что обрекли себя на смерть? Хотелось бы посмотреть в их глаза сейчас: интересно, в них уже скопилось то осуждение, что ранее было у пучеглазого утырка?

Однако не это главное: что со мной происходит? В голове бушует ураган мыслей, понять которые я даже не в состоянии. Огромный купол, спрятанный под тёмным брезентом. Единственное что не даёт мне более пристально начать всматриваться в черноту, это мысли об убийстве и ненависть. Они словно гниль, окончательно разрушают кон-

структ моей человечности, отбрасывая уже пришедшие в негодность детали куда-то за пределы досягаемости. Впрочем, эти вещи уже не нужны.

– Эй. Мы на месте.

Отреагировав на шёпот подкидыша, я поднял взгляд: это был невысокий кратер, из центра которого торчал гигантский шпиль.

– Вот. Это...

– Оно.

Я уже здесь, мразь.

– Осмотримся.

– Что? Сейчас?

– Глянем что там и как. К тому же, за установку и работу колонок ответствен ты. Тебе тем более необходимо понимание ландшафта. Поэтому вперёд без лишних слов. Остальным дожидаться нас здесь.

Мы принялись за подъём. Всё это время пока мы шли, я следил за тем, чтобы подопечные не сорвались с места обратно. Вероятность такого происшествия сводилась к нулю, однако сейчас возможно всякое. Постоянная бдительность, вот благодаря чему я смог добраться сюда. Доходяга немного отставал, поэтому приходилось придерживать темп и собственное нетерпение, дабы тот не выдохся раньше времени. Наконец мы добрались до вершины.

Чёрный шпиль, уходивший стрелой в небо. В ночной тьме казалось, что это большая клякса, размазанная по ландшаф-

ту реальности. Редкие красные точки своим мерцанием продирались сквозь эту вытянутую дыру, что придавало ей хоть какие-то очертания реальной постройки. Судя по всему, возведён он из какого-то камня или материала ему подобного.

– Т-ты это видишь? Я всё мог п-предполагать, но...

Вокруг этого кола был круг. Сначала я не придал ему большого значения, однако присмотревшись мы поняли, что... Он шевелится. Весь этот ореол состоял из извергов. Редко в этой массе мелькало нечто красное-их индикаторы. Понятно. Что же, так ещё интереснее.

– Я конечно всё понимаю, но это безумие! Нужно раз в десять больше людей чтобы иметь хоть какие-то шансы! Боже, какими же мы все были тупыми! Что ты со своим отрядом, что я со своими. Необходимо драпать отсюда, пока есть возможность! Наше счастье, что нас не замети...

– Заткнись.

Положенная ему на плечо рука прервала поток его болтовни.

– Мы. Никуда. Не уезжаем.

– Н-но как...

– Когда всё окончательно скатится в безнадёгу, возьмёшь один из мопедов и дашь газу куда глаза глядят. Если повезёт, сможешь добраться обратно до селения.

– А как же...

– Меньше вопросов. Считай это моя благодарность за всё сделанное тобой.

– Нельзя же...

– Забыл собственные слова? Ты наёмник. Жук, который выкрутится из любой передраги. И прямо сейчас я добродушно раскрываю перед тобой щель, в которую ты можешь заскочить. Однако в моих силах просто прихлопнуть тебя, что можно было сделать ещё тогда в лесу. Твой выбор? Поторопись, времени на размышления у тебя особо нет: 10, 9, 8...

– Чёрт, да что с тобой не так, ублюдок херов?

– ...7, 6, 5...

– Хорошо, хорошо! Я согласен!

– Правильно. Теперь можем идти обратно. С подробностями, в своём стиле скажешь, что извергов много, но колонки обезвредят большую их часть, а дальше уже можно добить оставшихся вручную. Усёк?

– Да.

Ломать человеческую волю. Не знаю, что более жестоко: моментально убивать или доводить людей до состояния, что из страха они готовы идти наперекор своим устоям? Даже взять этого типа, который без особых колебаний переметнулся к убийцам своих товарищей: он всё ещё обладает принципами. На каком тогда дне нахожусь я? Уже не имеет значения. Главное затащить ЕГО в свой омут. Остальное бессмысленно.

Вернувшись обратно и находясь в безвыходном положении, заике ничего не оставалось: ему пришлось сплести ту

ложь, о которой я его ранее просил. Возможно, мне было бы жалко его и этих парней. Да даже себе я мог бы выразить сочувствие, что угодил в такую губительную беспросветную воронку зла. Однако на месте того, где должны были формироваться такие соображения, зияла пустота. Сбрасывая сгнившие от бездействия детали сложного человеческого механизма, я всё больше сближался с безжалостным конструктом, состоящим из одного желания.

Уничтожить.

Начинало понемногу светать, и благодаря этому мне удалось убедить *пушечное мясо* в том, что сейчас не стоит подниматься к склону: нас могут заметить раньше времени. Более я не видел в глазах отблеска грядущей победы: лишь страх, который с каждой секундой всё больше заполнял их. Но даже так, в них не было осознания смерти. Надежда словно липучка-склизкая и одновременно клейкая, она въедается в человеческое естество настолько, что только смерти под силу содрать её окончательно.

– Перед запуском колонок убедитесь, что все шлемы работают исправно, иначе вы помрётё сразу вместе с извергами.

Помимо звукоизоляции, каждый шлем был оборудован рацией, чтобы оставалась возможность поддерживать связь между собой. Был только один недочёт-отсутствовала возможность слышать что-то, кроме этого: сборка не предоставляла сложной системы шумоподавления. У всех, кроме меня и пленного, доспехи были старыми, разве что с небольшим косметическим ремонтом. Огнестрельное оружие имелось в двух экземплярах у каждого, с тремя заряженными обоймами на каждую пушку, а также не стоит забывать про несколько поясных гранат. Выглядело это всё конечно презабавно, будто дети нарядились в одежды взрослых. Ничего, скоро мы

выйдем на детскую площадку.

– Значит ещё раз: сейчас происходит активация установок. После часть из вас берёт ящик с гранатами и поднимается наверх. Оттуда вы начинаете дополнительно обкидывать ими подрывающихся тварей. Как только батареи установок садятся, а бомбы заканчиваются, мы все разом выдвигаемся напролом к башне. Запасов вооружения и собственных сил нам должно хватить чтобы справиться с оставшейся горстью. Всем ясно?

– Да!

– Отлично. Тогда приступаем **сейчас**.

Небольшая коробка с рычагом находилась в руках пленного. Немного помедлив, он двинул его на 90 градусов до упора.

НЕВЕРОЯТНОЙ СИЛЫ И МЕРЗОСТИ ЗВУК. Будто разом голову сдавили тиски со всех сторон. Первые секунды казалось, что содержимое черепа вот-вот вылезет за его пределы.

– ИДИОТ, НЕ СНИМАЙ СРАНЬИЙ ШЛЕМ!

Это уже раздалось на потоке передачи: из-за созданного давления кого-то просто вырвало внутрь, от чего дышать попросту стало нечем. Стянув с головы переполненный блевойтой шлем, загаженное лицо на миг озарилось ликованием и тут же скривилось в болевой гримасе. Через несколько мгновений из ушей и рта пошла кровь, после чего тело свалилось наземь.

– Приступаем, иначе повторим его участь.

Большая часть отряда, отвечавшая за бомбардировку, подхватила ящик и ринулась по склону вверх. Включая меня и отвечавшего за колонки будущего предателя, нас было пятеро.

– Мать божья, что же это такое...

– А я ведь говорил, что ему даже рыпаться не стоит, размажет его тут. И вот итог...

– Умереть так... Как ужасно и отвратительно...

– Что с колонками, сколько им ещё работать?

– Н-на полную катушку они могут протянуть ещё минут-ты три, может немногим больше.

Пока мы обсуждали этот вопрос, в слуховой защите начали отдаваться приглушённые толчки. Гранаты уже пошли в ход.

– Понятно. Значит скоро ты будешь свободен.

Линзы были тёмными и матовыми, но по тому, как он двинулся, можно было ощутить его испуг. Как же банально. Хоть что-нибудь новенькое бы выкинул. Пока *куски* перетирались между собой о судьбе погибшего, я подошёл к труп, лежавшему в своей крови и остатках жизнедеятельности. Никчёмное зрелище. Снаряжение тебе больше не понадобится. Принявшись снимать с охладевшей туши различное оружие для запаса, я этим обратил на себя внимание.

– Голова, что за херню ты тво...

Договорить он не успел, ибо его голова уже была простре-

лена. Зарядив в него на всякий случай ещё парочку лишних патронов, следующая очередь прошла двух даже не понявших происходящее живых шматов. Теперь уже мёртвых. Жаль. Я уже весь увешан оружием, так бы можно было захватить. Но для магазинов место найдётся. Обвязав лишними связками гранат мопед, я посмотрел на сочившегося животным ужасом... *Кто это? Может, его тоже следует уничтожить?*

– Вали.

Повторять не пришлось: сорвавшись с места ко второму мотоциклу, освободившийся заключённый завёл его и рванул, укатив без оглядки. На фоне в ушах всё это время слышались какие-то отголоски: «стрельба?» «засада?» «предательство?». Что за бессмысленный набор звуков? *Где ОН?*

Постоянный гул, исходивший от колонок, смолк. Я выключил встроенную рацию. Тишина. То, что нужно. Затемнённая картинка начала быстро меняться после того, как я выгнул рукоять руля на полную. От набранной скорости колёса стремительно сокращали пространство склона. Вот они уже окончательно избавились от него, прокручивая через себя лишь воздух. До чего же приятна оторванность от земного. Жаль небо затянулось тучами. Но ничего. Особенно когда есть секунда, дабы насладится **таким** зрелищем.

В кольце извергов отныне была брешь: всё же минимум четверть всех слонявшихся здесь тварей частота колонок разбила. Рой, до этого уничтожаемый испускаемым звуком,

теперь двинулся в сторону источника уже прекратившегося шума, однако большое количество гранат в запасе пока что позволяло отбиваться от них. Мельком я заметил, что физиономии подо мной взглянули вверх. Забавно представлять, что творится в их головёшках, и какой гам голосов стоит внутри передачи.

Сцепление с землёй прошло более чем успешно: мне удалось не только не сломаться по приземлению вместе с мопедом, но и отдалится от потока, хлеставшего в сторону продолжавшей бултыхаться приманке. Всё, что нужно сейчас – не останавливаться до последнего: может большая часть сервиза и была сфокусирована на атаке по более многочисленным целям, но я сам точно такая же мишень. Ублюдки ринулись в мою сторону. Чудесным образом удавалось объезжать летящих на встречу тварей, некоторых вовсе получалось сбивать. Но фортуна не вечная: какая-то культа протиснулась сквозь спицы переднего колеса и то, раздробив напоследок препятствие, всё же не выдержало. Корпус байка резко поддался вперёд, и ничего не оставалось кроме того, чтобы слететь с него, попытавшись вместе с этим не умереть.

Получилось: каким-то образом я сгруппировался столь удачно, что даже не повредил ничего из вооружения. Замечательно. Одёрнутые стартеры и последующая вибрация в двух предплечьях служит приятным доказательством этого.

– Подходите хоть все разом: теперь я готов.

Большие заточенные ножи резали стекло как масло. Од-

ного взмаха хватало для того, чтобы сбить корпуса сразу двум, а то и трём сукам за раз. Превосходное чувство. *Было ли мне вообще за жизнь так хорошо?* Стекляшек становилось всё больше с каждой секундой. Сточенные обрубки ног втыкались не только в разбитые фигуры сородичей, но ещё наступали в тот *подарок*, оставленный на моём бывшем средстве передвижения.

Находясь уже в метрах десяти от эпицентра взрыва, его ударная волна всё же толкнула меня, от чего я свалился на спину. Я ощутил себя горячим блюдом на столе, ибо по приземлению в меня сразу полетели однозубые чёрные вилы. Выставленным щиткам с семенящими ножами удавалось защищать меня, но долго находится в таком положении было бы смертельной ошибкой. Рывком я поддал свой корпус вперёд. Удары со спины помогли подняться, и, прокрутившись два раза по своей оси, мне удалось хоть немного расчистить пространство вокруг. В ход пошли припасённые гранаты: приходилось аккуратно швыряться ими, иначе ножи механизма могли рассечь не только стекло, но и плоть.

Удар. Ещё один. Потом два, нет, три одновременно. Оставляемые вмятины доспехов постепенно начинали ощущаться. Ещё немного, и эти культы будут месить тело, а не пластины. Срочно необходимо бежать в сторону...

Обрыв. Вспышка. Происходящее вокруг теперь было сразу в двух тонах: тёмном мутноватом и обычном светлом. Немного отвыкнув от звуков, мгновение ушло на то, чтобы

хоть как-то привыкнуть к ним вновь. Характерное жужжание тварей только помогло с этим. Увернувшись от следующей атаки, открывшимся глазом замечаю осколки шлема с кровью на них. Чья она? И почему участок кожи вдоль щеки стал столь чувствителен к воздуху?

Неважно. Сосредоточься. Обернувшись, я увидел монструозное сооружение в метрах ста от меня. В самом низу имелась относительно небольшая прорезь с исходящим из неё светом. **ТУДА, ТУДА.** Пришлось бежать и одновременно с этим прикрывать незащищённый участок головы. В открытом ухе раздались отчаянные вопли: бомбы, как и *их* жизни, закончились. Теперь оставшаяся куча ползет на единственную живую цель. Всё было в крови, происхождение которой я до сих пор не понимал. Непонятно на какой тяге мне удавалось орудовать своими руками. Они до сих пор продолжали кромсать всё, что под них попадает. Сознание было затянато пеленой, и единственное, что сквозь неё просвечивало, тот разрез в каменном монолите. **ОН ТАМ. Я НЕ МОГУ СДОХНУТЬ, НАХОДЯСЬ В ТАКОЙ БЛИЗОСТИ К НЕМУ.**

Чуть ли не одновременно, наручи вышли из строя. Пришлось избавиться сразу от всех компонентов механизма: щитки уже были не в состоянии выполнять свою функцию. В оборот пошёл автомат. Сменяя магазины на лету и расстреливая всех тварей перед собой, я наитием понимал в какой момент со спины полетит очередной смертоносный укол. Их

количество росло с каждой выпущенной пулей. Однако свет из **ЭТОГО** проёма уже падал на лицо. Стеклянная падаль наскочила на меня сбоку, прямо около входа. Боль насквозь пронзила мою правую руку, но поздно. **Ты** уже опоздал.левой я достаю нож, и несколько ударов раскрошили вытянутую голову никчёмной болванки.

Стянув остатки того, что некогда было шлемом, я наконец понял: вдоль моей щеки проходит огромное рассечение. Теперь ясно, почему потоки ветра так легко попадают внутрь ротовой полости. Взгляд охватывает огромную залу, тянущуюся ввысь. На обстановку я не обратил внимания: **ОН ЗДЕСЬ.**

Вдали располагался огромный каменный трон, на котором он восседал. Издали не было возможности рассмотреть силуэт, однако этого и не требовалось: из-за спины я достал копьё. В этот момент очередной сточенный кулак вдарил по освободившейся поверхности, пробив её и спрятанное под ней мясо. Ничего.

Бросок. В сложившихся обстоятельствах его меткость могла быть сбита, однако оно угодило прямо в сердце, пробив тело к каменной спинке.

Всё смолкло. Десятки извергов, которые ещё секунды назад давили друг друга в тесноте прямоугольного проёма, теперь грудой валялись ничком, загородив тем самым вход. Не до конца осознавая происходящее вокруг, я ринулся в сторону подвешенного трупа. Изъяв нож, я принялся шинковать то, что некогда было **ИМ**. Когда я раздробил в кашу **ЕГО** голову, бушевавшая ярость не переставала бить ключом: я остановился лишь тогда, когда туловище превратилось в компот из внутренностей. Всё вокруг было усеяно ошмётками и кровью. Отстранившись от оставшегося, полученные за побоище раны разом дали о себе знать, едва не свалив меня с ног. Несмотря на наличие продырявленного насквозь предплечья, более всего о себе дала знать спина: острое может и не успело нанести критический урон органам, но холодная прижигающая агония от этого факта никуда не исчезла.

Глаза тупились об то, что раньше было целью моих странствий. То, чего я хотел всё это время, наконец свершилось. Я положил на этот алтарь не только своё существование, но и людей, которые в общем-то ни в чём не виноваты. Их нельзя назвать ни плохими, ни хорошими, но... Неужели они правда заслужили *такую* смерть? Интересно, смог ли уехать... И что за странное чувство...

Приветствую вас, победители!

Нож тут же полетел в спинку гигантского трона. Поверх кровавой мазни и торчавшей рукояти снова сидел **ОН**. Только теперь худой тонкий силуэт разбивался помехами и был голубовато-прозрачным. Голограмма. Раздался грозовой раскат, после чего в зал хлынул дождь. Задрав голову, я понял, что всё это время было источником освещения: гигантская дыра вместо потолка, сквозь которую в сером цвете бурно летели капли.

Не могу не порадоваться за славных воинов, которые смогли побороть моё хрустальное войско и одолеть великое зло в моём обличи!

Чего...

Ха-ха-ха! Да шучу я! Если кто и смотрит данное обращение, то разве что вы, самые отъявленные и безумные головорезы из живущих! Дайте-ка угадаю, вы пришли сюда за славой и богатством, которые вам пообещали анонимные представители сильных развалин мира сего, правда? Вы действительно забавные, раз смогли преодолеть барьер из моих извергов, bravo!

Что за бред он несёт, неужели это...

Ловушка? Умоляю, избавьте себя от этой мысли! Да, действительно, всех этих посыльных отправлял я. Подождите, вы спрашиваете насчёт того, сколько их было? Конечно же много, как и число группировок,

*к которым я их высылал! Мне ли знать кто стоит сейчас перед этой проекцией? Однако несмотря на вышесказанное уверяю, что подвоха тут нет. Если вы сейчас слушаете всё это, значит моя голова точно слетела с плеч, можете не сомневаться. Да и вы же сами должны прекрасно осознавать: если бы **Я** не захотел того, чтобы **МОЯ** смерть наступила от чьих-то рук, то такой записи не существовало бы и в помине.*

Капли дождя разбивались об пол, выбивая бессвязную мелодию, которая звенела в моей голове. Что он несёт, неужели всё сказанное им является правдой? Но на кой хер ему понадобилось поддаваться, если расправится с нами ему не составляло никакой сложности? Лишь только сейчас до меня доходило происходящее вокруг: совершенно пустой зал, деактивация всех марионеток после убийства. Слишком простая победа, не может быть столько совпадений...

Вы можете подумать, господа: а зачем мне, собственно говоря, умирать? Ведь как же так, в моём арсенале находится одна из самых могущественных армий мира, которая, ввиду своей искусственной природы, безропотно мне подчиняется? Любой дурак бы на моём месте сидел бы и правил этим затерянным в космосе шариком и всё, жизнь нескончаемый праздник, состоящий из постоянного трепета перед тобой! Знаете, когда я только выкрал этот трон у его предыдущего владельца, я тоже думал подобным

образом. Честно, в душе не чаю кто является создателем замка с этими гибкими стекляшками, однако судя по всему, существуют они весьма давненько. Стоп, к чему я вообще? Ах, точно, моя мотивация! Так вот, отвечаю: мне просто стало **скучно!** С таким войском ничто не было для меня преградой, я брал и делал всё, что хотел. Будучи владельцем этой хитрой системы, все желания вмиг исполнялись по одному лишь хотению. И не буду лукавить, сперва это было забавно. Однако у такой власти есть один совершенный недостаток: всё теряет свой смысл. С кем мне спрашивается бодаться, если никто не в состоянии противостоять мне? Может быть избивать беспомощного весело в начале процесса, однако со временем всё сводится к тоске. А выносить себе мозги самостоятельно это апогей всего самого жалкого и безынтересного что только может быть. Хотелось устроить какой-нибудь балаган, вот и пришла идейка создать подобную охоту на себя. Поэтому спасибо ребята что организовали такое представление! Пока не знаю, что там происходило, однако не сомневаюсь: это было **выдающимся зрелищем!**

...

В качестве награды вы получите не мои богатства, а что-то более ценное: **ключ** к вашим собственным несметным сокровищам! Всё верно, теперь армия извергов находится полностью в вашем распоряжении, и вы вольны делать с ними всё, что захотите! На

этом, думаю, будем закругляться, я и так заболтался немного! Ещё раз спасибо за выступление и гранд-финал, это было нечто!

До встречи в аду!

Призрак развеялся, вновь оголив окровавленный камень. После исчезновения, в полу по центру комнаты открылся проход. Что это. Почему я вижу только глаза этого никчёмного старика. Даже не сами глазницы, а выражение того прищербленного униженного сочувствия. Почему я не могу ничего вспомнить. Или же могу... Какие-то лица бесконечной лентой развеваются в моём поломанном мозгу, и не на одном из них я не могу сфокусироваться. Тот ли это салага с порванными перепонками, или ржавый, пучеглазый, или глава селения. А может, тот отсвет нежности во всех этих грубых мужских физиономиях был *тем, из-за чего я оказался здесь?*

Ноги ковыляли по винтовой лестнице вниз. Я ощущал, что в этот раз раскололась не только моя физическая оболочка. Проекция мертвеца втоптала душу в тартарары. Тот, кому я больше всего желал смерти, хотел её куда сильнее меня. ЕГО прихоть была исполнена. Погружаясь с каждым шагом на всё большую глубину, никчёмное «я» меркло с каждой пройденной ступенью.

– До встречи в аду...

Плоская гладкая поверхность. Дно достигнуто.

Шёпот произнесённой фразы эхом отбился ото всех стен. По краям площадки вспыхнули красные линии, протянутые

по всему периметру. Что-то начало капать из глаз. Раскаяние?

Ничтожество.

Неужели *всё это* не стоит ничего? В чём был весь смысл той ненависти? Ради *подобного* исхода все эти терзания испытывались годами?

Ты же всё это видел и понимал. Почему ты позволил оказаться сейчас здесь? Неужели ты был способен только на опрокинутый жалостливый взгляд в сторону побитой суки?

От самого пола до вершины вспыхнули алые точки. Сотни, нет, тысячи глаз. Уходили ли ряды этих оживших марионеток вглубь стен?

Тебе же всё было известно наперёд. Ты знал с самого начала, чем это закончится. И просто оставил всё так, как есть.

Ненавижу. *Ненавижу.* **Ненавижу.**

Раздался стрёкот машин, которые обрели нового хозяина. Кипучая ярость разожгла огни в их головах. У *него* же для них был только один приказ.

Уничтожить.

19

Блуждающий во тьме найдёт приют в пучине,
Так ничего не осознав и не приняв.
Несокрушима поступь зла, бесплотен дух:
Лик его одна из сотен масок,
Прибитых к стенке мироздания
И ждущих часа своего.